ФГБОУ ВО «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ЛИПЕЦКИЙ ФИЛИАЛ
ЛИПЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ УЧЕНЫХ»

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей
по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием
17 мая 2019 г.

Липецк – 2019

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Липецкий филиал
Липецкое отделение межрегиональной просветительской
общественной организации
«Объединение православных ученых»

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей

Липецк – 2019

УДК 94(367)

ББК63.3(49=С.л 4)
К 43

Под общей редакцией

д-ра техн. наук, проф. **В.Н. Малыша,**
д-ра филол. наук **О.Ю. Усачевой**

К43 Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность: Сб. научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Липецк, 17 мая 2019 г. / Под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В.Н. Малыша, д-ра филол. наук О.Ю. Усачевой. – Липецк, 2019. 98с.
ISBN

Сборник, составленный по материалам Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, отражает исторические, филологические, культурологические, методические аспекты духовно-социальных практик, рассмотренных в контексте кирилло-мефодиевского наследия.
Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, преподавателей, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.
Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.
УДК 94(367)

© Коллектив авторов, 2019
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2019
© МПОО «Объединение православных ученых», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Басова М.В. Национально окрашенная лексика в русском и корейском языках как отражение лингвокультурной специфики 4

Гончарова Т.В. Церковнославянский язык как идейносодержащий элемент Липецкого православного текста 9

Качалова С.М. Использование семиотического подхода в процессе преподавания русского языка и литературы учащимся СПО 15

Кольовска Е.Г., Кульгавчук М.В. Вдоль по Сретенскому… 22

Кольовски А.А. А.Л. Бем в «Русской Праге» 30

Кондратьев А.С. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Домострой»: проблема духовного становления человека 37

Конюхова Е.С. Китайские легенды и песни в интерпретации иностранных учащихся на уроках РКИ 42

Корнаухова Т.А. Формирование профессионально-нравственных ценностей студентов Липецкого медицинского колледжа в условиях модернизации профессионального образования 47

Попова Е.А. Провинциальный (Липецкий) текст в контексте русской литературы 54

Томилина Н.Ю. Вывески как жанр городской коммуникации 64

Усачева О.Ю. «Новая письменность» как феномен эпохи цифровизации на фоне кирилло-мефодиевской традиции 70

Черных А.В. Деятельность Кирилла и Мефодия как выражение единства славянского мира в публикации А.Ф. Гильфердинга (1831-1872) «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?» 80

Басова М.В.,
преподаватель
Россия, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Basova M.V.
teacher
Russia, Lomonosov Moscow State University

НАЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ[1]

NATIONAL VOCABULARY IN RUSSIAN AND KOREAN AS A REFLECTION OF LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY

Аннотация

В статье рассматриваются особенности национально окрашенной лексики в русском и корейском языках. Анализ таких единиц позволяет увидеть проявление взаимосвязи языка с обществом и культурой, внимательно отнестись к семантике лексических единиц языка, обладающих ярко выраженной национально-культурной спецификой.

Abstract

The article deals with the peculiarities of vocabulary in Russian and Korean languages. The analysis of such linguoculturems allows to see the manifestation of interrelation of language with society and culture and to consider carefully the semantics of lexical units of the language, which have a pronounced national-cultural specificity.

Ключевые слова: лингвострановедение, лингвокультурология, русский язык как иностранный.

Key words: linguistic-cultural studies, linguoculturology, Russian as a foreign language.

Соотношение и взаимосвязь языка, культуры, общества – одна из наиболее актуальных проблем современной науки. Она возникла

[1] В статье использован корейский языковой материал выпускной квалификационной работы Ли Юрим (Южная Корея), выполненной в 2018 году под руководством автора.

под влиянием процессов, обладающих поистине глобальными масштабами: преодолением национальных границ и все более усиливающимся взаимодействием стран, народов, их культур [1; 2].

Особый интерес с точки зрения межкультурной коммуникации представляет изучение «культуроносных» языковых явлений, т.е. таких, которые выступают носителями актуальных для данной культуры смыслов, значений, коннотаций, далеко не всегда присущих иным языкам и культурам [5]. Несмотря на то что данные явления находят отражение на всех уровнях языковой системы, а также в речевом использовании (узусе) и поведенческих формах коммуникативной активности, нельзя не признать, что именно лексическая система языка фиксирует их в первую очередь и в наиболее акцентированном виде. Лексические единицы языка – слова, фразеологизмы – конденсирующие в своем значении как общие, универсальные, так и исключительные, культурспецифичные способы отображения внеязыковой действительности, выступают в качестве наиболее значимого объекта исследований. Их изучением занимаются различные лингвокультурологические школы [4, с. 30].

Важный срез лексической системы – национально окрашенная лексика, под которой понимаются *лексические единицы (слова и фразеологизмы), обладающие той или иной формой лингвокультурной специфики* (в концепции В.В. Воробьева им соответствует отчасти понятие *лингвокультуремы,* трактуемой как комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического, совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [3, с.44]). Изучение такого рода единиц позволяет увидеть проявление национально-культурного своеобразия через призму соответствующих языковых явлений. Это тем более актуально при изучении русского языка иностранцами, поскольку довольно часто от них ускользает значительная часть семантики лексических единиц изучаемого языка, обладающих ярко выраженной национально-культурной спецификой.

Особое место отводится национально окрашенным единицам в процессе подготовки переводчиков, которые имеют дело с лингвокультурными особенностями как родного, так и изучаемого языка. Переводческая деятельность святых равноапостольных Кирилла и Мефодия со всей очевидностью показала, насколько важным является учет языков (в частности, греческого и древнеболгарского) в их соотнесении, и обнаружила при этом высочайшую культуру их техники перевода. Соответственно, и преподавателю русского языка

как иностранного (РКИ) также имеет смысл познакомиться с некоторыми лингвокультурными особенностями тех или иных лексических единиц в родном языке обучающихся (в нашем случае – будущих переводчиков) и соотнести их с аналогами в русском языке, если таковые обнаружатся.

Объектом нашего внимания в данной работе являются отдельные примеры национально окрашенной лексики в корейском и русском языках.

Если обратить внимание на весь азиатский регион, то можно заметить, что здесь огромное значение имеет культура еды. Соответственно, наименования кулинарной продукции чрезвычайно разнообразны и составляют заметную часть национально окрашенной лексики.

Например, в Южной Корее есть слова «치맥– Чимэ», «먹방 – Мокпан», являющиеся сокращениями слов. «치맥 – Чимэ» – означает пиво с жареной курицей. Первый слог «치– Чи» произошел от корейского слова «치킨– Чикин» (в переводе курица), второй слог «맥 – мэ» от слова «맥주 – мэкчжу», обозначающее пиво. В свою очередь «Мокпан» – это «трансляция приема пищи», термин, который в Южной Корее начали употреблять примерно с 2000 года. Слог «먹– мок» – это первый слог от корейского слова «먹다 – есть», а второй слог «방 – пан» – первый слог от корейского слова «방송 – передача». Закреплению новой лексической единицы способствовало появление интернета.

Так, в интернете уже появились и продолжают появляться разнообразные программы, телепередачи и каналы о кухне. На известных кабельных интернет-каналах демонстрируется, как люди пробуют блюда и общаются со зрителями, которые в ответ пишут комментарии и даже отправляют донаты (интернет-платежи). Кроме того, популярны телепередачи, показывающие, как известные повара готовят блюда, объясняют рецепты, соревнуются друг с другом в приготовлении блюд. Это привело к тому, что популярность профессии повара на сегодня достигла в Южной Корее своего апогея наряду с развитием рынка общественного питания. Данный факт наглядно иллюстрирует, что понятия, связанные с кулинарией, отражают и такой экстралингвистический процесс, как динамика корейской общественной жизни.

Ярким показателем культурных коннотаций в корейском языке выступает слово *рис*, что также можно рассматривать как проявление национальной лингвокультурной специфики.

Как известно, рис – основной продукт питания в корейской культуре. Когда корейцы встречают знакомых, они обычно спрашивают: *«Вы ели рис сегодня?* – 식사는 하셨어요?» (ср. со стандартной русской речевой формулой: «Как у вас (ваши) дела?»). Таким образом, возможность съесть рис является в корейской лингвокультуре маркером благополучного течения жизни, что отражено в речевом акте приветствия.

Корейцы используют слово «밥– Паб» (вареный рис) в разных ситуациях, например, в ситуации ссоры между близкими. Так, муж, желая после ссоры сделать шаг к примирению, подходит к своей жене и говорит, что он голоден. В ответ жена готовит рис и закуски (반찬 – Панчхан). В данной ситуации *рис* означает прощение и примирение, выступает как словесный и предметный маркер гармонизации отношений. Другая коммуникативная ситуация показывает, что упоминание риса ассоциируется с проявлением заботы. Так, провожая уезжающего, корейцы говорят: *«Не пропускай есть рис. Ешь вовремя каждый день!»*. Кроме того, когда корейцы прощаются с незнакомыми или людьми, с которыми уже давно не виделись, то говорят, что когда-нибудь они поедят рис вместе, тем самым выражая надежду на новую встречу и недолгое расставание. Таким образом, слово *рис* используется в речевых актах прощания / пожелания с положительной коннотацией.

Помимо положительных слово *рис* в корейской лингвокультуре может выражать и отрицательные смыслы речевых действий. Например, фраза *«Как ты можешь есть рис сейчас?»* содержит упрек, указание на то, что кто-то проявляет безразличие к проблемам других людей, душевную черствость, эгоизм. В корейском фильме «Память убийства – 살인의 추억» герой спрашивает убийцу: *«Ты ешь рис вовремя каждый день?»*. Своим вопросом герой подчеркивает презрение, показывает, что этот убийца – человек без ценностей, чья совесть молчит (не мешает есть рис вовремя каждый день).

Соотнесем слово *рис* с такой значимой для русской культуры лексемой, как *хлеб:*

хлеб да соль (приветствие) – хлеб коннотируется как благо, которого желают хозяевам, если их застают за едой (аналог: приятного аппетита!)

встречать хлебом-солью – гостеприимство, доверие;

на хлебе и воде сидеть – скудно питаться, есть только самое необходимое;

делить (свой) хлеб (хлеб-соль) – тесно общаться, дружить с кем-либо;

есть чужой хлеб – жить за чужой счет;

отбирать (отнимать) хлеб у кого-то – отнимать заработок или возможность заработать, берясь за ту же работу (дело), на которые рассчитывал другой;

хлеб насущный (еванг.) – самое необходимое для жизни, существования;

не хлебом единым (жив человек) (еванг.) – для человека духовные, социальные блага не менее важны, чем материальные;

хлеб всему голова – хлеб важнее остальных блюд на столе; умение видеть главное.

Итак, одним из ключевых слов корейской лингвокультуры выступает лексема *рис,* которая используется в составе приветствий, прощаний, пожеланий, многочисленных пословиц и поговорок и служит для передачи таких значимых для национальной культуры смыслов, как «благо», «изобилие», «общность», «гармонизация отношений», «забота», «опека» (положительная коннотация), и «безразличие, эгоизм, пренебрежение ценностями» (отрицательная коннотация).

При соотнесении с русской лингвокультурой аналогом лексемы *рис* является лексема *хлеб*, восходящая к национальным архетипам и также рассматриваемая как ключевое слово культуры *(Хлеб всему голова).* Данное слово включает ряд коннотаций, сходных с корейским *рис* («насущная потребность, благополучие, благопожелание, взаимопомощь»). В то же время оно содержит и специфичные для русской культуры коннотации: «гостеприимство, доверие» (положительная коннотация) и «скудное, убогое пропитание», «материальная ценность в противовес ценности духовной» *(посадить на хлеб и воду, не хлебом единым).*

Таким образом, изучение особенностей национально окрашенной лексики в различных языках позволяет увидеть проявление взаимосвязи языка с обществом и культурой. В методическом плане данный подход предполагает развернутый лингвокультурологический комментарий, позволяющий обучающимся разглядеть за фактами языка культурные смыслы.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1983. 269 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. 330с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Круглый стол: что такое лингвокультурология? // Мир русского слова, 2000, №2. С.35-51.

Гончарова Т.В.,
кандидат филологических наук, доцент,
Россия, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Goncharova T.V.,
PhD in Philology, Associate Professor,
Russia, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ИДЕЙНОСОДЕРЖАЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИПЕЦКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ТЕКСТА[1]

SLAVONIC LANGUAGE AS AN IDEOLOGICAL ELEMENT OF LIPETSK ORTHODOX TEXT

Аннотация

В статье рассматривается роман липецкого писателя-священника Геннадия Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл» как часть Липецкого православного текста и предпринимается попытка выявить роль церковнославянского языка и церковнославянизмов в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

языке романа как особых «культурных маркеров», которые позволяют аккумулировать принципиально важные для понимания духовного мира главного героя и автора идеи и смыслы, являясь идейносодержащим элементом в структуре текста.

Abstract

The article deals with the novel of the Lipetsk writer-priest Gennady Ryazantsev-Sedogin "Becoming Sense" as part of the Lipetsk Orthodox text and attempts to identify the role of the Church Slavonic language and Church Slavism in the language of the novel as a special "cultural markers" that allow you to accumulate ideas and meanings fundamentally important for the understanding of the spiritual world of the protagonist and the author, being an ideological element in the structure of the text.

Ключевые слова: церковнославянский язык; церковнославянизм; Липецкий православный текст; писатель Геннадий Рязанцев-Седогин.

Keywords: Church Slavonic; Church Slavism; Lipetsk Orthodox text; writer Gennady Ryazantsev-Sedogin.

Современные исследователи предпринимают попытки обоснования особого литературного направления, называемого «духовным реализмом», главная задача которого – отразить «реальность присутствия Бога в мире» [1, с. 38]. В предыдущих своих работах мы, обратившись к произведениям замечательного липецкого писателя Геннадия Николаевича Рязанцева-Седогина, обосновали возможность существования Липецкого православного текста как важной части Провинциального (Липецкого) текста русской литературы.

В 2014 году вышел в свет роман Г.Н. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл».

В центре происходящего в романе – жизнь священника, который на протяжении 10 лет строит храм, что и становится смыслом его жизни.

Важную часть деятельности любого священника занимает общение с паствой, а в религиозной проповеди наиболее ярко ощутима сила слова, сила его воздействия. Совершенно очевидно, что в служении священника, в его, если можно так сказать, профессиональной деятельности особое место занимает церковнославянский язык.

Главный герой романа – священник Евгений Седогин – человек образованный, начитанный, думающий и рефлексирующий. За его плечами – Литературный институт, духовная семинария, внимательное

изучение святоотеческой литературы и трудов религиозных философов, глубокое проникновение в тексты Священного Писания. Свое назначение он видит в том, чтобы, «прикасаясь к людям и отдавая им часть Христовой любви», делать их церковью [4, с. 59], в том числе и просвещать, разъяснять основы христианского учения. Евгений Седогин прекрасно осознает, что между современным человеком и текстами Священного Писания, религиозно-философскими произведениями существует своеобразный «языковой барьер», связанный с тем, что семантика слов, которые определяют систему христианского мировидения, отличается от современного значения. Именно поэтому в канву романа включены многочисленные внутренние монологи, оформленные чаще всего в виде писем к сыну, в которых он пытается разъяснить смысл многих понятий, важных для русского религиозно-философского сознания (*церковь, благочестие, церковное сознание, благодать, истина, соборность, святость, таинство* и др.), а исходной точкой такого разъяснения является, как правило, какое-либо событие, описываемое в романе. Более того, объясняя многие понятия, и прежде всего понятие *церковь*, Г. Рязанцев обращается к творчеству выдающегося русского философа-богослова XIX века А. С. Хомякова, включая в текст прямые цитаты из его книги «Церковь одна», и, несомненно, цитация – это не просто апелляция к мнению авторитетной личности, она не создает впечатления чужого языка, а, напротив, своего собственного индивидуального слова, и результатом этого являются мысли главного героя, высказанные в конце романе, в заключительной беседе с сыном: «Церковь, явившаяся в конце истории человечества, есть великая тайна Творца! И тайна эта теперь разгадана вполне, можно с уверенностью сказать – мир создан ради Церкви. <…> Вера (героиня романа) поняла это и пошла в этот возвышенный мир аскезы, отречения от привязанностей и страстей для жизни вечной. Чем больше нельзя, тем больше человек…» [4, с. 347]. Данный пример показывает, что церковнославянизмы, прежде всего лексические, занимают особое место в организации этого отрывка, подчеркивая осознание героиней важности христианского служения, аскетизма, самосовершенствования, помогая донести до слушателя высокий смысл её поступка, связанный с желанием уйти в монастырь. В целом же в тексте романа встречается большое количество церковнославянских слов, как тех, которые современным читателем воспринимаются как книжные (*безмятежный, безотрадный, беспрекословно, возложить, бодрствовать, беспечный*) или даже как устаревшие поэтизмы (*благодеяние, высокопарный, гордыня, всуе, воистину*) так и тех, которые отражают основные понятия

Православия и связаны с христианским богослужением (*акафист, амвон, аминь, архиепископ, аллилуйя, Господь, Богочеловек*).

Церковнославянский язык, «величавая лаконичность и выразительность которого как нельзя более соответствовали духу молитвы и священнодействия» [2, с. 19], постоянно звучит на всем протяжении романа в текстах молитв, в обращении героев к Богу, Богородице, святым. Это и «Отче наш», и «Верую», и «Да воскреснет Бог!», и великая ектенья, провозглашаемая на Божественной Литургии и начинаемая словами «Миром Господу помолимся», и покаянная молитва «Господи и Владыко живота моего…», и отрывки из чтений ветхозаветных пророчеств.

Для священника Евгения Седогина совершенно очевидна благодатная сила молитвы, ее «пречистое слово» (А. Ахматова) исцеляет, дает силы и надежду, успокаивает: «Вот они, эти слова чудотворения, обращенные к Богу. Эти же самые слова таинства произносили великие молитвенники, великие святые Серафим и Сергий, Александр Свирский и митрополит Алексий Московский, и совершалось чудо. <…> И я, священник, произношу эти же самые слова молитвы» [4, с. 62]. Однако герой взывает к Богу не только словами канонических молитв. Чувствуя свою ответственность перед страждущими, страстно желая помочь, он обращается к Богу и своими словами, идущими от всего сердца. Так, молясь об исцелении от тяжелой болезни мальчика Илюши, отец Евгений взывает к Богу следующими словами: «***Господи***, подай мне силу твою. Ту силу, которую ты подавал ***преподобным*** своим, и они исцеляли ***страждущих***. <…> Господи, помоги, пошли твою ***животворящую благодать***. Сотвори меня настоящим, а не мнимым проводником твоей исцеляющей силы. Иначе зачем священник?» [4, с. 62–63]. Но и в своих словах, обращенных к Богу, герой не может обойтись без высокого строя церковнославянского языка, здесь имеют место «присущее реальной молитве обращение к Богу как к ″Ты″ с коммуникативным статусом лирики (частым использованием местоимений и глаголов 1-го и 2-го лица, также местоимений и вопросов)» [3, с. 162].

На протяжении всего романа лирический герой не единожды подчеркивает, что «молитва умиротворяла всех молящихся, а чтение священных текстов наставляло…» [4, с. 111].

Роман построен таким образом, что перед читателем проходит множество людей, с которыми герой общается и в процессе своего служения, и в ходе строительства храма. И неоднократно на страницах произведения возникает разговор о языке церковного богослужения. Так, одна из прихожанок спрашивает отца Евгения: «Почему ничего не

меняется в церкви? Служили бы на русском языке. Было бы всем понятно», – на что священник справедливо замечает: «Надо просто обывателю сделать усилие над собой и понять назначение церкви в этом мире. <…> Церковь как раз и хранит этот бесценный духовный опыт, который может формировать человека по образу и подобию Бога и творца» [4, с. 148]. Указывая далее на архаичность слов «по образу и подобию», герой тем самым подчеркивает, что целенаправленная переориентация или удаление слов, традиционно связанных с Православием, ведет к разрушению многовековой культурной традиции русского народа: «Предлагаете всем одеться в протестантские фраки и дискутировать о Боге в собраниях..?» [4, с. 148]. Таким образом на страницы романа исподволь выносятся проблемы, волнующие не только верующих, но все наше общество, особенно в связи с тем, что в нашу страну, начиная с 90-х гг. прошлого века, устремились разного рода миссионеры, которые распространяют христианскую литературу и разного рода религиозно-нравоучительные тексты, переведенные на современный русский язык, и, как отмечают петербургские исследователи Д.В. Салмина и И.С. Куликова, эти издания отличаются грубейшими искажениями привычного для русских евангельского текста [5, с. 6–8].

Вопрос о языке богослужения еще раз возникает на страницах романа, в частности, в разговоре главного героя с сыном. Последний обвиняет русский народ и, прежде всего, прихожан отца в безграмотности, в том, что если они и читают по-церковнославянски, то «русской азбукой», и Иван с присущим юности максимализмом высмеивает ошибки, которые допускают «бабушки», читая заупокойные молитвы или обращаясь к священнику: так, вместо «нет лицеприятия» они читают «нет лиц приятелей», или «батюшка, богослови» вместо «благослови, или «К корифанам послание апостола Павла» вместо «к коринфянам» и т.п. [4, с. 103]. Соглашаясь с сыном в том, что «никогда в истории церковной жизни не хватало русскому народу знаний» [4, с.103], отец Евгений говорит, что русский народ долгое время жил в пространстве религиозного быта и религиозного сознания, все «были, если так можно сказать, бытовыми христианами» [4, с.103–104]. Эти мысли главного героя соотносятся с идеями русского религиозного философа В.С. Соловьева, который различал храмовое христианство и христианство домашнее [6, с. 62]. Именно для нужд домашнего христианства в середине XIX в. было переведено Евангелие с «темного» старославянского языка на русский, и этот, так называемый Синодальный перевод Нового Завета до сих пор считается в русской православной Церкви каноническим [5, с. 14].

Именно в этом каноническом переводе звучат в романе тексты молитв, цитаты из Священного писания. Так, главка «Инокиня» рисует один день из монашеской жизни, наполненный акафистами, молебными канонами, кафизмами, Божественной литургией, пением псалмов, слушанием проповедей. Полная сосредоточенность на священных словах помогает инокине, а вместе с ней и читателям проникнуться высоким смыслом сакральных слов, часто архаичных, несущих на себе печать принадлежности к церковнославянскому языку. Но, помня о том, что книгу, возможно, будет читать человек, не искушенный в проблемах религии, Г. Рязанцев раскрывает смысл священных текстов через восприятие монахини, человека глубоко верующего, тонкого, умного. Каждую молитву она пропускает через себя, проникая в глубины сакрального смысла евангельского слова: «″Се Жених грядет в полунощи…″ – напоминание о скоротечности жизни и о том, что в любое время может прийти Господь; ″Благословенно Царство…″ – вот в это самое царство незримо входишь и живешь в этом небесном Царстве″» [4, с. 285–286]. Героиня испытывает особое молитвенное чувство, которое, благодаря приведенным словам, начинает испытывать и читатель, проникаясь в глубины евангельского слова и переживая эмоции, подобные тем, которые переживает монахиня. Особо следует подчеркнуть, что все эти слова облечены в особые одежды церковнославянского языка, о котором выдающийся русский мыслитель Г.П. Федотов сказал: «Сам по себе глагол не благороднее слова, ризы – одежды, пес – собаки, но присутствие в священном контексте освящает их. Это обогащение путем ассоциации. <...> Для русского уха славянский словарь – как золото церковных риз или иконных окладов» [7].

Таким образом, церковнославянский язык в целом и отдельные церковнославянизмы, в частности, играют роль своего рода «культурных маркеров», с помощью которых создается ощущение «реальности присутствия Бога в мире», с одной стороны, а с другой – именно они позволяют аккумулировать принципиально важные для понимания духовного мира главного героя и автора идеи и смыслы.

Литература

1. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 289 с.
2. Мень А. Православное богослужение. Таинство. Слово и образ. М.: «Слово», 1991. 192 с.

3. Попова Е.А. «Молитвы пречистое слово // Великие просветители Кирилл и Мефодий в истории славянской и русской культуры. Сборник статей. Липецк, 2003. С. 160–174.
4. Рязанцев-Седогин Г.Н. Становящийся смысл. Роман. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. 352 с.
5. Салмина Д.В., Куликова И.С. Миссионерское Евангелие: добро или зло? (Филологическая критика). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 240 с.
6. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах, т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 290–323.
7. Федотов Г.П. Славянский или русский в богослужении. [Электронный ресурс.] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/slavjanskij-ili-russkij-jazyk-v-bogosluzhenii/ https://ilibrary.ru/text/1462/p.129/index.html Дата последнего обращения 11.05.2019.

Качалова С.М.,
кандидат педагогических наук, доцент
Россия, Липецкий государственный технический университет
Kachalova S.M.,
PhD in Pedagogic, Associate Professor
Russia, Lipetsk State Technical University

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УЧАЩИМСЯ СПО

USING A SEMIOTIC APPROACH IN THE PROCESS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE BY STUDYING

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об использовании семиотического подхода в процессе преподавания русского языка и литературы обучающимся СПО. С этой целью изучается возможность рассмотрения процесса обучения как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной системе. Утверждается, что благодаря актуализации символов при обучении литературе можно обучить учащихся глубже понимать замысел литературного произведения. Рассматриваются возможности семиотического подхода

при изучении конкретных литературных произведений, благодаря чему происходит систематизация представлений обучающихся.

Abstract

The article discusses the use of a semiotic approach in the process of teaching russian language and literature to students of secondary vocational education. To this end, we study the possibility of considering the learning process as a cognitive process carried out in a communicative system. It is argued that thanks to the actualization of symbols in teaching literature, it is possible to train students to more fully understand the concept of a literary work. The possibilities of the semiotic approach in the study of specific literary works are considered, due to which the students' views are systematized.

Ключевые слова: семиотика, символ, коммуникация, архетип, литературный образ.

Keywords: semiotics, symbol, communication, archetype, literary image.

Семиотический подход является эффективным методом при преподавании русского языка и литературы учащимся среднего профессионального образования (СПО). Базой получения лингвистического и литературного образования в современном мире является диалог между преподавателем и учениками, поскольку в большинстве своем художественные произведения диалогичны. Но такой диалог возможен лишь в том случае, когда и автор, и читатель знают и понимают язык литературы [6, с.14]. В таком случае адресант, то есть создатель произведения, использует средства языка с целью закрепления собственного опыта, а читатель, будучи адресатом, акцентирует внимание на процессе декодирования этих языковых средств (единиц), чтобы понять смысл произведения. Существует два способа этого понимания - интуитивное, не базирующееся на приемах анализа, и когнитивное, включающее дидактическую часть. Когнитивный способ обеспечивает диалог с автором [9, с.25].

Данная коммуникация происходит на нескольких уровнях: на содержательном, композиционном и языковом. Завершается это общение в результате синтеза разрозненных частей и создания особого мира, который творит автор с целью отразить в нем свои взгляды и идеи. Такой художественный мир является неотъемлемой частью культуры, а следовательно, его можно рассматривать с точки зрения формирования культурных ценностей [2, с.93].

Актуализация символов при обучении русскому языку и литературе помогает более глубоко понять замысел литературного произведения [3, с.94]. Именно символы позволяют трансформировать сообщение из одной сферы культуры в другую. Однако природа таких символов бинарна [5, с.63]. Символы могут повторяться, транслироваться из одного века в другой, то есть быть универсальными, однако они могут и трансформироваться под воздействием контекста культуры определенной эпохи. Попытаться расшифровать подобный символ означает вступить в коммуникацию с культурной памятью, благодаря которой можно попытаться понять окружающую реальность [7, с.13]. Благодаря культурной памяти можно трактовать новые факты, объединяя их с уже известной информацией, а также видеть взаимосвязь между явлениями и событиями [11, с.18]. Само собой разумеется, в образовательном процессе при обучении учащихся СПО нет нужды обращаться ко всему объему знаков-символов, использованных в творении. Задача иная – систематизировать представления обучающихся, познакомить с универсальными приемами анализа и обработки информации, со способами научного познания художественной действительности.

Как именно можно использовать семиотический подход при обучении обучающихся СПО при изучении предмета «Русский язык и литература»?

Например, возможно ознакомить обучающихся с характерными особенностями сентиментализма при анализе произведения Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Как правило, у обучающихся первого года обучения, когда и происходит изучение дисциплины «Русский язык и литература», сформировано представление о таких литературных течениях, как реализм и романтизм, а вот о сентиментализме обучающиеся имеют слабое представление из-за фрагментарности изучения произведений, представляющих данное литературное направление. Попытаться ликвидировать пробелы в культурных представлениях обучающихся СПО можно, используя метод работы с архетипами при изучении повести «Бедная Лиза». Преподаватель предлагает в этом случае работу с архетипом «русский европеец», а обучающиеся, работая с данным архетипом, обнаруживают взаимосвязь архетипа «русского европейца», выраженного в образе Ореста, с архетипом «лишнего» человека Онегина, а также архетипом авантюриста Хлестакова. Архетипический подход продуктивен и при анализе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В частности, преподаватель может обратить внимание обучающихся на то, что накануне дуэли Онегин спокойно спит, а Ленский бодрствует. Задаем

вопрос: почему так происходит? Оказывается, герой читает произведение Шиллера. Спрашиваем – зачем? Оказывается, будучи героем романтическим, Ленский у Шиллера ищет ответ на вопрос, правильно ли он поступает, сверяя свои действия с действиями других героев-романтиков. Романтик Ленский не может понять бесполезности своего вызова на дуэль, его хватает лишь на импульсивное и необдуманное действие.

Можно также проанализировать круг чтения Онегина, чтобы понять типаж этого героя. В начале романа герой «бранил Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита и был глубокий эконом», «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал», то есть его интересуют либо прагматические произведения, либо фривольно-эротические. Однако в конце романа, в 8 главе, автор сообщает о герое: «Прочел он Гиббона, Руссо, Манзони, Гердера, Шамфора…» То есть Онегин уже интересуется воззрениями романтиков, просветителей. Он начинает размышлять, сопоставлять: «Он меж печатными строками читал духовными глазами другие строки». Автор даже сообщает нам, что «он так привык теряться в этом, что чуть с ума не своротил или не сделался поэтом». Такая ситуация может быть расценена как знаковая при идентификации героя.

Изучая произведение «Ревизор» Н.В. Гоголя, можно познакомить обучающихся с термином «сборный город», предложенным Ю. Манном [13, с.79]. Будит познавательный интерес обучающихся при этом задание сравнить между собой картину Брюллова «Последний день Помпеи» и комедию. Отыскивая ответ на поставленный вопрос, учащиеся могут найти фразу Гоголя: «Мир стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы». Именно в этой фразе Гоголь развивает идею соединения. И реализуется эта идея в образе «сборного города всей темной стороны». В целом для восприятия мира Гоголем характерно обобщение, которое реализуется в его творчестве за счет соединения произведений в цикл («Петербургские повести», «Вечера на хуторе близ Диканьки» и др.) [8, с.42]. А в «Ревизоре» Гоголь реализовал идею собрать «все дурное», «за одним разом над всем посмеяться». Такое стремление к обобщению будет прослеживаться и в поэме «Мертвые души». Закончив рассмотрение галереи образов помещиков и картины губернского города, преподаватель может сделать акцент на эпизодах, посвященных анализу образа России. Анализируя образ «птицы-тройки», педагог может обратиться к началу поэмы. Каким образом взаимодействуют начало и конец книги? В начале поэмы, описывая спор мужиков о том, доедет ли колесо до разных населенных

пунктов, Гоголь приводит всего два географических названия. Очевидно, что неграмотные мужики других городов просто-напросто не знают. Хотя в поэме есть третий географический объект – губернский город, где и происходит основное действие. Описываемое в начале поэмы колесо приводит Чичикова не туда, куда он собирался попасть. В начальном эпизоде есть строки, в которых автор как бы между прочим сообщает, что «молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, … и пошел своей дорогой». Колесо, таким образом, оказывается элементом, пронизывающим весь сюжет. Что произойдет, если спицы сломаются? Благодаря образу колеса можно обнаружить несколько уровней обобщения автора: Чичиков, помещики и губернские чиновники, Россия, у которой оказывается своя дорога [4, с.27]. Благодаря знаковому семиологическому образу колеса познание выходит на новый уровень обобщения.

Таким знаковым образом в романе Гончарова «Обломов» становится халат Обломова, о котором автор сообщает, что это «…настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу… имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств: он мягок, гибок … он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела». Отметим ключевые слова в описании халата: «раб», «покоряется», «восточный», таким образом переводя разговор с конкретного образа жизни Обломова на взгляды славянофилов и западников. «Код» халата как детали актуализируется и помогает понять авторскую позицию. С помощью образа Обломова Гончаров протестует против взглядов западников, которые отрицали поэзию жизни, единение с природой, верность русским традициям [14, с.27]. Такое понимание возможно благодаря реализации принципа взаимодополнительности, когда в рамках контекста объединяются семиотический и бытовой подход.

Анализируя роман Тургенева «Отцы и дети», можно продолжить размышления о роли дуэли в русском искусстве, вспомнив описания дуэлей в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Проанализируем культурный контекст: по какому поводу герои сражаются на дуэли. У Ленского и Онегина дуэль происходит из-за культурных установок. Печорин считает Грушницкого пародией на общество. А вот в романе Тургенева дуэль какая-то странная. Аристократ Кирсанов вступает в дуэль с неравным по статусу человеком – разночинцем Базаровым, фактически игнорируя принципы, которые сам же декларирует. Именно таким образом Тургенев кодирует в романе разрушение дворянских устоев.

Благодаря использованию семиотического анализа сложные для восприятия и анализа стихи Мандельштама могут быть восприняты учащимися адекватно. При анализе стихотворение «Возьми на радость из моих ладоней…» обучающиеся записывают слова, передающие, по их мнению, ощущение времени, например, «не услыхать», «не превозмочь», «мертвые». При этом у глаголов отсутствуют личные формы, что очень символично, если обратить внимание на дату написания этого стихотворения [10, с.27]. Можно отметить, что Мандельштам обращается к античности, используя метафору «пчелы Персефоны». В восприятии поэта античный мир – золотой век, олицетворяющий идеальное мироустройство [12, с.7]. Благодаря такой метафоре можно получить представление о разрыве между действительностью и идеалом, характерном для мироощущения Мандельштама. Персефона, будучи дочерью Зевса и Деметры, была похищена Аидом, который женился на ней и заставил жить в подземном царстве, разрешая только на время посетить земной мир, чтобы повидаться с отцом и матерью. Жрицы Персефоны пчелы связывают мир живых и мертвых, а во время посещения Персефоной родителей происходит расцвет природы. Благодаря этому образу поэт выражает свою надежду на то, что все, что происходит вокруг, временно. А то, что лучшие времена вернуться, подчеркнуто с помощью первых слов стихотворения – «возьми на радость». В 1920 году Мандельштам, вероятно, еще надеялся, что разрушение прежних устоев временно, а противоречия будут преодолены.

Чтобы помочь обучающимся осмыслить явления зыка и литературы, преподаватель, преподающий русский язык и литературу для обучающихся СПО, должен учитывать их индивидуально - психологические особенности и, базируясь на знаниях о психоэмоциональном развитии личности, поводить анализ литературных произведений. В связи с этим важно разработать систему знакомства с семиотическим подходом начиная с первых дней обучения в системе СПО, выстраивая ее поступательно - от теоретико-литературного изучения к историко-литературному [1, с.195].. В этом случае к окончанию изучения курса литературы и русского языка понятие о семиотическом знаке станет для обучающихся не абсолютно новой информацией, а даст возможность осмыслить его как значимое явление в историко-литературном процессе. Знакомство с теоретическими положениями семиотического анализа станет системным и обобщенным.

Литература

1. Качалова С.М. Об особенностях дистанционного преподавания филологических дисциплин // Профессионализм и гражданственность – важнейшие приоритеты российского образования XXI века. Педагогические чтения, посвященные 270-летию со дня рождения Иоганна Генриха Песталоцци : сборник статей. Воронеж, 2016. С. 195-196.
2. Качалова С.М. Об особенностях развития национального русского языка в XX веке //Лепта: Ежегодный научно-методический альманах. Омск, 2017. С. 91-95.
3. Молчанова Г.Г. Когнитивная семиотизация языкового и живописного знака в процессе коммуникации: от семиотики знака – к семиотике человека // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 92-97.
4. Полторацкий А.Ф., Швырёв, В.С. Знак и деятельность. М., 2011. 168с.
5. Поляков И.В. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск: Наука, 1983. 128 с.
6. Сарингулян Н.С. Очерк семиотической характеристики ритуала // Семиотика и проблема коммуникации. М., 2014. 36 с.
7. Степанов, Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 2015. 134 с.
8. Тайсина Э. Философские вопросы семиотики. Краснодар: Изд-во КГУ, 2013. 86 с.
9. Тахо-Годи А.А. От диалектики мифа к абсолютной мифологии // Вопросы философии. 1997. №5. С.23-30.
10. Тойбер А. Набросок истории сознания. М., 1994. 124 с.
11. Тульчинский Г.Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 4. С. 15-26.
12. Уваров Л.В. Образ, символ, знак. Минск, 2011. 96 с.
13. Уваров Л.В. Символизация в познании. Минск, 2012. 214 с.
14. Фадеева И.Е. Искусство в контексте культуры. Эстетика и семиотика: Учебное пособие. Сыктывкар, 2011. 198 с.

Кольовска Е.Г.,
кандидат педагогических наук
Россия, Московский государственный областной университет
Кульгавчук М.В.,
кандидат филологических наук, доцент
Россия, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Kolovska E.G.,
PhD in Pedagogy
Russia, Moscow Region State University
Kulgavchuk M.V.,
PhD in Philology, Associate Professor
Russia, Lomonosov Moscow State University

ВДОЛЬ ПО СРЕТЕНСКОМУ…

ALONG SRETENSKY BOULEVARD…

Аннотация

В статье описана структура адресованного изучающим русский язык инофонам авторского пособия, являющегося одновременно путеводителем по одному из районов Москвы. Рассматриваются варианты работы с текстами, даются примеры заданий и упражнений, направленных на развитие всех видов речевой деятельности.

Abstract

The article describes the structure of the author's manual addressed to the foreigners studying Russian language. This textbook is also a guide to one of the districts of Moscow. The options for working with texts are considered, examples of tasks and exercises aimed at the development of all types of speech activity are given.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; учебное пособие-путеводитель; русская культура; Бульварное кольцо; достопримечательности Москвы.

Keywords: Russian as a foreign language; study textbook and guide; Russian culture; Boulevard Ring; Moscow sights.

Процесс обучения русскому языку как иностранному безусловно связан с приобщением к русской культуре. Как правило, знакомство с русской культурной традицией, памятниками архитектуры, выдающимися художниками, писателями, музыкантами происходит уже на начальном этапе обучения и продолжается на протяжении всего учебного процесса. В учебниках такая информация не является основной, она носит сопроводительный характер, позволяет разнообразить тематическую составляющую учебника, построить диалоги, связанные с посещением музеев и театров. Существует и довольно большое количество пособий, которые целенаправленно готовят обучаемых к восприятию мира русской культуры, как правило, в такого рода изданиях на первом плане оказывается содержательная сторона: заданий, направленных на повторение трудных случаев русской грамматики, развитие навыков говорения, чтения, письма, аудирования, встречается немного или нет совсем. В данной статье мы представляем работу нового типа: пособие-путеводитель «Я шагаю по Москве». Москва – это не только дома и улицы, это люди, которые создавали неповторимые уголки старой Москвы, жили в этих домах и вошли в историю столицы России.

Пособие состоит из 10 прогулок (по числу бульваров, составляющих Бульварное кольцо Москвы). Каждый урок-прогулка начинается с текста, который знакомит с одним из московских бульваров и описывает наиболее заметные, с точки зрения их архитектуры, здания. В текстах упоминаются имена известных людей, чьи судьбы были связаны с Бульварным кольцом. Эти тексты составляют основу путеводителя, знакомят с историей, архитектурой, культурой России, погружают в атмосферу уже ушедшей московской жизни. При этом каждый текст сопровождается вопросами, упражнениями, направленными на усвоение лексического материала, повторение грамматики, совершенствование рецептивных и продуктивных речевых умений и навыков.

Таким образом, издание совмещает в себе черты путеводителя по одному из самых живописных районов Москвы, который насыщен интересной страноведческой информацией, и пособия по русскому языку как иностранному, которое позволит читателям расширить свои знания в области русской грамматики, лексики, развить навыки и умения в различных видах речевой деятельности. Работа с путеводителем может проходить на занятиях под руководством преподавателя, при этом книга может использоваться целиком и изучаться последовательно, или же отдельные главы могут

привлекаться как дополнительный лингводидактический материал, позволяющий повторить важные разделы грамматики и прочитать интересные тексты, подготовиться к экскурсии по московским бульварам. Кроме того, пособие может быть освоено теми, кто изучал ранее русский язык и хотел бы, что называется, «быть в форме». В качестве примера, позволяющего ознакомиться со структурой пособия и его содержанием, мы представляем один из уроков – «прогулку» по Сретенскому бульвару.

Перед началом работы с текстом, посвящённым Сретенскому бульвару и отчасти улице, которая называется Сретенка, преподавателю стоит коротко остановиться на происхождении необычного названия. Это разумно делать особенно в том случае, если обучаемые «гуманитарии». В зависимости от уровня группы рассказ может быть более или менее подробным: преподаватель показывает на карте Сретенский бульвар и улицу Сретенку и отмечает, что названия эти связаны со Сретенским монастырём. Монастырь же получил своё название от слова «сретение» – встреча, основан он был в том месте, где в 1395 году москвичи встречали икону Владимирской Божьей Матери, которая, по преданию, спасла русские земли от нашествия Тамерлана.

Далее студентам предлагается ознакомиться с текстом. Преподаватель может предложить послушать текст, таким образом отрабатывая навыки аудирования. Перед выполнением этого задания стоит познакомить студентов со словами, которые могут вызвать затруднение в процессе аудирования (в представленном далее тексте эти слова выделены). После прослушивания текста обучаемые отвечают на вопросы, которые могут касаться, например, дат, упомянутых в тексте, или же носить общий характер. Если задание на аудирование нецелесообразно, преподаватель предлагает студентам прочитать текст и выполнить задания, в которых анализируется новая лексика, обучаемым предлагается дать своё толкование словам с использованием синонимов, антонимов, если это возможно: *стеклянные перекрытия, доменная печь, водонапорная башня, фасад, ренессанс, очистка воздуха, увлажняться, подогреваться, мифологический, мрамор, гранит, нержавеющая сталь, панно.*

Студентам предлагается проанализировать по составу слова, значение которых связано с приставками, составить фразы с этими словами: *пережить (войну), разграбить (церковь).*

Далее студенты читают текст ещё раз и отвечают на вопросы, которые приводятся после текста.

Сретенский бульвар

Знакомиться с этим бульваром мы начнём с улицы Сретенка. У этой улицы очень московское название, и это название она никогда не меняла. В истории московских улиц такое встречалось нечасто. Название улицы связано со Сретенским монастырём, который находится недалеко. Именно Сретенка разделяет Рождественский и Сретенский бульвары.

Давайте сначала посмотрим на эту улицу. На углу улицы Сретенки (дом 3/27) вы увидите прекрасную московскую церковь Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Слово «печатники» говорит о том, чем занимались в давние времена жители этих мест: в XVII веке здесь жили мастера московского печатного двора. Церковь ***была построена*** *в 1695 году в стиле* ***московского барокко.*** *Эта церковь* ***пережила*** *войну 1812 года, хотя её* ***разграбила*** *французская армия. А в XX веке, после революции храм был закрыт, и только в 1994 году его* ***освятили*** *заново. Существует легенда, согласно которой именно в этой церкви состоялось* ***венчание*** *старика и юной девушки, которое изображено на картине художника В. Пукирева «Неравный брак». Впрочем, доказательств этому нет, а сама картина и сегодня привлекает внимание любителей русского искусства в Третьяковской галерее.*

Длина бульвара всего 214 метров, это самый короткий из московских бульваров. В самом начале бульвара мы видим памятник: юная девушка с романтическим лицом. Это Надежда Крупская, жена Ленина, человека, который сыграл страшную роль в истории России. Многие отмечают, что изображенная автором памятника девушка совсем не похожа на портреты Крупской. Этот небольшой бульвар не только начинается, но и заканчивается памятником. В самом конце бульвара установлен памятник русскому архитектору и инженеру Владимиру Шухову. Шухов жил и работал недалеко от этого места и часто гулял по Сретенскому бульвару. Вы не знаете, кем был этот человек? Инженер, который создавал водонапорные башни, доменные печи, железнодорожные мосты и маяки. Архитектор, идеи которого стали революцией в строительстве XX века. Его знаменитая Шуховская башня, которая находится в Москве на улице Шаболовка, стеклянные перекрытия ГУМа, Киевского вокзала в Москве и другие объекты произвели большое впечатление на таких архитекторов, как Антонио Гауди и Ле Корбюзье.

Если вы уже дошли до памятника, посмотрите направо: вы увидите самые заметные здания на Сретенском бульваре (6/1). Именно о них мы сейчас расскажем. Это знаменитые дома (их два)

страхового общества «Россия». Они были построены в 1899–1902 годах в стиле модерн. При этом фасады домов напоминают об итальянском ренессансе.

В начале XX века здесь были самые дорогие квартиры в Москве. Площадь этих квартир была большой даже для того времени: 200–400 метров, высота потолков – около 4 метров. Здания имели собственную электростанцию, систему отопления, очистки воздуха. При этом воздух, который попадал в квартиры, увлажнялся и подогревался. В подвале дома были прачечные. Если вы внимательно посмотрите на стены, то увидите на них множество украшений: змеи, летучие мыши, изображения мифологических героев. Интересно, что они не повторяются. Неудивительно, что архитектор Ле Корбюзье называл это здание самым красивым в Москве. Кстати, в этом доме бывал художник Илья Репин, в советское время здесь работал писатель Михаил Булгаков.

Мы прошли по Сретенскому бульвару и вышли на Тургеневскую площадь. Но прежде чем идти по следующему бульвару кольца, Чистопрудному, давайте подойдём к станции метро «Сретенский бульвар». Её открыли относительно недавно (в декабре 2007 года), и на неё стоит посмотреть. Станция украшена ***панно****, на которых изображены виды Бульварного кольца, памятники Пушкину, Гоголю, Грибоедову, которые мы можем видеть, гуляя по бульварам. Мрамор, гранит и нержавеющая сталь, которые использовали в отделке станции, придают ей праздничный вид и усиливают наше впечатление от прогулки по Бульварному кольцу. Но если вы ещё не устали, лучше выйти из-под земли и отправиться дальше. Нас ждёт Чистопрудный бульвар.*

Вопросы, на которые отвечают студенты, предполагают полные, развёрнутые ответы с опорой на текст или без неё:

1. С чем связано название улицы Сретенка?
2. Какие бульвары она разделяет?
3. В каком веке была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках?
4. Была ли разрушена церковь во время войны 1812 года?
5. Что изображено на картине художника Пукирева? Как называется эта картина?
6. Чем начинается и чем заканчивается Сретенский бульвар?
7. Кем был Владимир Шухов? Видели ли вы здания, которые построили по его проектам?
8. Как оценили творчество Шухова известные архитекторы? Назовите их имена.

9. В каком стиле построены дома страхового общества «Россия»?

10. О каком стиле напоминают фасады этих зданий?

11. Какова была площадь квартир в этих домах?

12. Какие украшения можно увидеть на их стенах?

13. Как вы думаете, что было необычным в этих домах для начала XX века?

14. Почему стоит осмотреть станцию метро «Сретенский бульвар»?

Послетекстовые вопросы являются важной формой контроля уровня понимания прочитанного текста, помогают усвоить новую лексику, отработать некоторые грамматические формы. Краткие формы страдательных причастий, встречающиеся в вопросах (*разрушен, построен, изображен*), дают возможность трансформировать фразы (*были построены – построили)*, полезно также напомнить студентам об использовании глаголов *начинаться – заканчиваться.* «Прогулки» по бульвару дают возможность затронуть на занятии одну из наиболее трудных для иностранных студентов тем: глаголы движения. Упражнения, направленные на усвоение данного раздела грамматики, могут быть как подстановочными, так и предполагающими разыгрывание диалогов, имитирующих определённые ситуации. Примеры таких упражнений даются далее.

1. *Выберите глагол движения, употребите его в нужной форме.*

Давайте *(подойти / подходить)* к этому памятнику и сфотографируем его.

Я хочу *(заходить / зайти)* в эту церковь, с ней связана история одной картины, которая находится в Третьяковской галерее.

Мы быстро (пройти / проходить) по Сретенскому бульвару и *(выйти / выходить)* на Тургеневскую площадь.

2. Расскажите, используя глаголы движения, какой была ваша прогулка по Сретенскому бульвару.

3. Вы договорились встретиться со знакомым на бульваре, но не очень хорошо поняли друг друга и ждёте друг друга в разных местах. Позвоните своему знакомому, спросите, где он ждёт вас, расскажите, как ему подойти к месту встречи. Используйте конструкцию: *тебе нужно подойти (перейти, выйти…)*.

Довольно часто у студентов вызывает затруднение использование отрицательных конструкций, выражение несогласия. Следующее упражнение направлено на отработку данных конструкций и, кроме того, помогает усвоить материал текста.

А. *Дайте отрицательный ответ на вопрос. Запишите ваши ответы.*

Модель: *Улица Сретенка когда-нибудь меняла своё название?*

Нет, эта улица никогда не меняла своего названия.

1. Вы когда-нибудь раньше слышали слово «печатники»?

2. Работала ли церковь на Сретенке после революции?

3. Вы когда-нибудь видели картину Пукирева «Неравный брак»?

4. Сретенский бульвар – это самый длинный из московских бульваров?

5. Знаменитая Шуховская башня находится на Сретенском бульваре?

Б. *Выразите своё несогласие с высказыванием и сообщите правдивую информацию. Запишите свои высказывания.*

Модель: *В начале Сретенского бульвара находится памятник Владимиру Шухову.*

Нет, в начале Сретенского бульвара находится памятник Надежде Крупской.

1. Автор памятника Крупской изобразил пожилую усталую женщину.

2. Известные архитекторы Антонио Гауди и Корбюзье критиковали творчество Шухова.

3. Дома страхового общества «Россия» построены в стиле классицизм.

4. В этих домах были маленькие квартиры и не было удобств.

5. Станция метро «Сретенский бульвар» была построена 50 лет назад.

Весьма полезным видом упражнений является составление вопросов к прочитанному тексту, составление вопросов к числительным (обозначающим даты, время, количество и т.д.). Эти вопросы разумно записать, кроме того, такую работу можно проводить так, чтобы студенты работали в парах.

Тексты, посвящённые бульварам, проиллюстрированы фотографиями, которые также могут служить материалом для обучения, в частности для развития речи. Так, фотография памятника инженеру и архитектору Шухову дает возможность составить разные типы заданий:

1. *Опишите памятник Шухову.*

2. *Посмотрите на фотографии самых известных творений этого человека, прочитайте подписи к ним. Как вы думаете, какое из его произведений кажется необычным и сегодня?*

Завершающим этапом работы с текстом должна стать беседа, в ходе которой звучит неподготовленная речь студентов, их монологи и диалоги, в которых находит отражение как историко-культурный материал, так и новая лексика, грамматические конструкции, которые отрабатывались в ходе занятия. Вопросы, направляющие высказывания студентов, могут быть различны:

Что нового об истории России вы узнали из этого текста? Какой факт вас удивил? Как вы думаете, нужно ли сохранять памятники историческим деятелям, если их оценка изменилась? Какой дом на бульваре произвёл на вас впечатление?

Вы хотите снять квартиру в одном из домов страхового общества «Россия». Позвоните в агентство, расскажите о своих планах. Объясните, какая квартира вам нужна.

Разумеется, к представленному материалу преподавателю РКИ следует подойти творчески. Текст о Сретенском бульваре содержит информацию, к восприятию которой не все студенты могут быть подготовлены в равной степени. Материал текста может вызвать необходимость дополнительных пояснений преподавателя, которые облегчат работу. В любом случае, знакомство студентов с русской культурой и историей в процессе изучения текстов, рассказывающих о Бульварном кольце Москвы, даёт возможность сделать урок русского языка как иностранного более интересным и приближает студентов к глубокому и осознанному пониманию русской жизни и русской культуры.

Литература

1. Бродский Я.Е. Москва от А до Я: Памятники истории, зодчества, скульптуры. М.: Московский рабочий, 1994. 318 с.
2. Двинский Э.Я. Кольца и радиусы Москвы: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1986. 479 с.
3. Митрофанов А.Г. Прогулки по старой Москве. Бульварное кольцо. Кн. 3. М.: Ключ-С, 2016. 264 с.

Кольовски А.А.,
кандидат филологических наук
Россия, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Kolovski A.A.,
PhD in Philology
Russia, Lomonosov Moscow State University

А.Л. БЕМ В «РУССКОЙ ПРАГЕ»

A.L. BEM IN «RUSSIAN PRAGUE»

Аннотация

Статья посвящена пражскому периоду жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема, литературоведа, педагога, общественного деятеля. Он был одним из ярких представителей первой волны русской эмиграции и внес значительный вклад в сближение русской и чешской культур.

Abstract

The article is devoted to the Prague period of life and work of Alfred Bem. This literary critic, lector, public figure was one of the most outstanding representatives of the first wave of Russian emigration and made a great contribution to the convergence of Russian and Czech cultures.

Ключевые слова: русское зарубежье; первая волна эмиграции; русско-чешские культурные связи; А.Л. Бем.

Keywords: Russia abroad; the first wave of emigration; Russian-Czech cultural connections; A.L. Bem.

Литература, критика и публицистика, научная и культурная деятельность русского зарубежья остаются в центре внимания исследователей по причине богатства и многогранности наследия послереволюционной эмиграции. В этом плане особенно выделяется ее первая волна, для которой было характерно осознанное стремление сохранить себя как национально-культурную целостность. Целью эмиграции было не столько приспособиться к жизни в рамках чужой культуры, сколько сберечь и развивать русскую культуру в надежде на возвращение на родину. Создавались различные организации, научные и культурные общества, объединявшие эмигрантов, проживавших в

разных странах, большое внимание уделялось уровню образования молодежи, не прекращалась активная политическая работа с целью свержения установившейся в России советской власти. Одним из самых ярких и деятельных представителей научной мысли того периода за рубежом был Альфред Людвигович Бем.

Альфреда Людвиговича Бема (5 мая 1986 – 1945?), чья творческая и политическая деятельность в эмиграции связана в основном с Чехословакией, можно по праву назвать человеком в высшей степени незаурядным. Он проявил себя в самых разных областях: это литературная критика и публицистика, академические исследования (теория и история литературы, их библиографическое обеспечение), вопросы педагогики и преподавательская практика, общественная и политическая работа. Бем был заметной фигурой в «русской Праге», где наиболее полно раскрылись все стороны его творческой натуры.

В Прагу после эмиграции из революционной России Бем попал в рамках так называемой «Русской акции помощи». «Русская акция» задумывалась как программа поддержки русских эмигрантов в Чехословакии. Помощь заключалась в предоставлении жилья, возможности получения высшего образования, а также материальной поддержке русских студентов, профессоров, сельхозработников, экономистов, писателей, деятелей культуры и т.д. Внимание уделялось также поддержке органов печати. Программа была разработана при непосредственном руководстве президента страны Т.Г. Масарика, министра иностранных дел Э. Бенеша и премьер-министра К. Крамаржа. Сама Чехословакия была заинтересована в сильном восточном союзнике, каковым, по мысли руководства страны, могла стать демократическая Россия, которая в скором времени должна была сбросить власть большевиков. В данный момент Чехословакия могла помочь будущему возрождению России, обучив новые кадры и сохраняя имеющиеся.

Кроме того, были созданы высшие учебные заведения специально для русских студентов: Русский народный университет, Русский педагогический институт имени Яна Коменского, Русский юридический институт и другие. Также было открыто большое количество гимназий. По состоянию на 1923–1925 гг. на содержании правительства Чехословакии состояло 3153 студента из России.

Установившийся на территории России социалистический строй, которому Чехословацкое правительство предрекало скорую гибель, оказался более долговечным: к середине 1930-х гг. Чехословакия была в преддверии признания СССР как страны. С этим

связано постепенное сворачивание с конца 20-х гг. «Русской акции».

В рамках «Русской акции помощи» в 1922 г. Альфред Людвигович Бем получил место лектора (преподавателя) русского языка в Карловом университете. Стоит отметить, что он также в 1923–1924 гг. (один учебный год) преподавал русскую литературу в Педагогическом институте им. Я.А. Коменского, прочитанные там курсы древнейшей литературы и литературы XVIII века были изданы в Праге в 1923 г.. Спустя год работы в Карловом университете Бем пишет о своей преподавательской работе В.И. Срезневскому: «У меня семь часов лекций в неделю и работаю я с удовольствием. Аудитория небольшая, но очень старательная. Главное, останется след и м[ожет] б[ыть] часть слушателей через язык сможет ближе подойти к русскому народу. По литературе иногда читаю лекции в русско-чешском объединении, аудитория главным образом чешская» [5, с. 86–87].

Бем также читал лекции в Русском народном университете в Праге (с 1934 г. – Русский Свободный университет), членом куратория которого он был с момента основания. В пражском городском архиве сохранились документы на чешском языке, содержащие перечни лекционных курсов РН(С)У за отдельные годы. Согласно этим документам, Бемом в 30-е гг. читались в Праге и за ее пределами (в частности, в городе Плзень) лекции, посвященные Пушкину, Блоку, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, современной эмигрантской и советской литературе; часть лекций была прочитана Бемом на чешском языке. В эти же годы он вел в РН(С)У семинар, посвященный изучению творчества Пушкина.

Занимался Бем и научно-организационной работой. На историко-философском отделении РН(С)У он в 1925 г. организовал Семинарий по изучению творчества Достоевского. «По своему характеру это было скорее научное общество, чем университетский семинарий обычного типа. Вокруг него объединились главным образом уже сформировавшиеся ученые, интересовавшиеся творчеством Достоевского. Этим объясняется и то, что большинство докладов, прочитанных в нем, было затем напечатано в разных научных изданиях. Но Семинарий выполнял и другую задачу: привлечения к изучению Достоевского молодых научных сил. Всего за время существования Семинария было прочитано 58 докладов на 53 темы» [4, с. 123]. За пять лет работы Семинарий превратил Прагу в получивший широкое европейское признание центр достоевсковедения. В Семинарии читали доклады известные русские и зарубежные ученые – не только литературоведы, но и историки, философы, рассматривавшие «творчество Ф.М. Достоевского и его

эпоху с точки зрения разных гуманитарных наук» [1, с. 6]: Д.И. Чижевский, Е.А. Ляцкий, В.В. Зеньковский, С.В. Завадский, Л.А. Зандер, С.О. Карцевский, С.И. Гессен, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, П.М. Бицилли, Н.Е. Осипов (врач-психиатр, развивавший учение З. Фрейда), Й. Горак, А. Бринкен, Г. Геземанн и др.; самим Бемом в Семинарии было сделано 15 докладов. По материалам сделанных в Семинарии докладов выходили под редакцией Бема сборники «О Достоевском»: том I – в 1929 г., II – 1933, III, содержащий работы только Бема, – 1936; планировавшийся IV том напечатан не был. Во II томе представлена также коллективная работа, выполненная Бемом, Чижевским, Завадским и Плетневым по инструкции, разработанной Бемом, – «Словарь личных имен в произведениях Достоевского. Ч. I. Произведения художественные»; часть II, словарь личных имен в «Дневнике писателя», должен был быть опубликован в четвертом сборнике. По отношению к первому тому Бем выступал не только как автор и редактор: этот сборник был издан на его личные средства, появившиеся у Бема в связи с изданием в 1928 г. двух собственных книг – «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского» и «Tajemství osobnosti Dostojevského. Několik kritických kapitol» (в переводе на чешский А.А. Тесковой).

Успех первого сборника «О Достоевском» (положительные рецензии на который дали, в частности, такие крупные ученые, как Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтер, С.Л. Франк) дал А. Бему возможность поставить вопрос об организации международного Общества Достоевского. Эта идея была поддержана чешским литературоведом академиком Й. Гораком, другом Т.Г. Масарика, который был избран почетным президентом общества и поблагодарил А. Бема за это в письме. Общество было основано 23 марта 1930 г., членами его комитета были чешские ученые Ф. Вольман, Й. Горак, Я. Махал (председатель), В. Тилле, О. Фишер, русские – Е.А. Ляцкий, Д.И. Чижевский; секретарем Общества стал А. Бем. Активное участие в деятельности Общества принимала переводчица, председатель Чешско-руской едноты Анна Тескова; фактически вместе с Бемом они и представляли Общество. В ноябре 1933 г. Общество было преобразовано в Собрание по изучению жизни и творчества Ф.М. Достоевского при Славянском институте, открытом в Праге в 1922 г. После оккупации Чехословакии фашистской Германией Собрание 23 мая 1939 г. приняло решение о прекращении своей деятельности.

В связи с неблагоприятными историческими обстоятельствами Общество Достоевского не реализовало в полной мере имевшийся при

начале его работы научно-исследовательский потенциал, оно «сумело исполнить только часть своей обширной программы, в основном популяризаторского и издательского характера» [3, с. 51]. В частности, помимо указанных выше сборников, под редакцией Бема вышел на чешском языке юбилейный сборник «Dostojevskij. Sbornik statí k padesátému výroci jeho smrti: 1881–1931».

В 1933 г. Бем был принят в члены знаменитого Пражского лингвистического кружка, основанного, как известно, в 1926 г. чешским лингвистом В. Матезиусом. Здесь Бемом были прочитаны четыре доклада: «Личные имена у Достоевского» (6 декабря 1932 г.), «К вопросу литературных влияний» (29 января 1934 г.), «Дискуссия о методологических проблемах в работе Я. Мукаржовского о М.З. Полаке» (10 октября 1934 г., совместно с Рене Уэллеком), «Метод мелких наблюдений в литературоведении» (3 февраля 1936 г.), и хотя в дневниковых записях Бема имеются «намеки на дальнейшие выступления в кружке» [1, с. 10], данных об этих выступлениях не найдено.

Стоит также отметить еще одну сторону деятельности Бема: 7 апреля 1925 г. в Праге было основано Русское историческое общество (просуществовало до 1 января 1934 г.), в основу деятельности которого легли два постулата: во-первых, перед Обществом были поставлены исключительно научные задачи (т. е. объективное изучение прошлого), поэтому события вчерашние, которые нельзя оценивать беспристрастно, в рассмотрение не входили; во-вторых, термин «история» понимался очень широко, как история всех разнообразных проявлений жизни, в том числе и история литературы. Из 171 доклада, прочитанного за время существования Общества, Бемом были сделаны шесть: «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского», «Л.Н. Толстой в оценке Достоевского», «Рукописи к “Идиоту” Достоевского и их место в общем плане романа», «“Фауст” в творчестве Пушкина», «Эпизод из жизни В.С.Печорина», «Фауст у Тургенева».

Также в Праге Бем состоял членом Русского научно-исследовательского объединения, Чешского литературно-исторического общества, Чешского общества книговедения. В его собственные планы входила организация библиофильского общества, однако этот план Бема не осуществился.

Бем также был действительным членом Русской академической группы в Чехословакии и членом ряда общественных и профессиональных организаций: Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, Союза русских педагогов в

Чехословацкой республике, Общества попечения о русских детях в Чехословакии, Объединения русских учительских организаций за границей. С последней связана еще одна сторона деятельности Бема.

Объединение русских учительских организаций за границей, как и Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, было создано в апреле 1923 г. на Пражском педагогическом съезде, эти два органа выполняли «координирующую функцию в работе русских учительских организаций за рубежом» [7, с. 47]. Председателем Объединения была А.В. Жекулина, председателем Педагогического Бюро – В.В. Зеньковский, а секретарем Бюро стал А. Бем, сыгравший ключевую роль в реализации одной из важнейших инициатив Педагогического бюро, которая послужила объединению всего русского зарубежья, – празднование Дней русской культуры, ставших «на долгие годы одним из любимейших мероприятий российской эмиграции по всему миру» [6, с. 249] и впервые проведенных в Праге в 1925 г. В Эстонии 26 мая (ст. ст.) 1924 г. отмечался День русского просвещения, приуроченный к 125-летию со дня рождения Пушкина, и М.И. Соболев, представитель Педагогического бюро в Эстонии, на совещании по борьбе с денационализацией, созванном Педагогическим бюро в Праге 3–5 октября 1924 г., внес предложение проводить этот праздник и в других странах; предложение было поддержано представителем бюро в Польше Д.М. Сокольцовым. «Совещание поручило Бюро рассмотреть этот вопрос, и в феврале 1925 года секретарь Бюро А.Л. Бем внес на заключение Бюро проект установления ежегодного русского праздника, предложив назвать его “Днем Русской Культуры” и приурочить ко дню рождения Пушкина» [2, с. 3]. Педагогическое бюро предприняло деятельные шаги для реализации этого предложения, заручившись поддержкой Союза русских академических организаций за границей, Объединения русских учительских организаций за границей, Объединения русских эмигрантских студенческих организаций и Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей; было составлено воззвание, отпечатанное в количестве 1000 экземпляров и разосланное почти во все страны, где проживали русские. На совещании всех указанных организаций, которое состоялось 24 февраля, был утвержден состав представителей, отвечающих за реализацию этой акции; от Педагогического Бюро вместе с В.В. Зеньковским и кн. П.Д. Долгоруковым участником совещания был А.Л. Бем, он также был избран в состав Программной комиссии по выработке плана проведения этого праздника в Чехословакии. 9 марта 1925 г.

состоялось заседание представителей русских эмигрантских организаций в Чехословакии, в котором принял участие и Бем и на котором был избран (впоследствии неоднократно переизбираемый) Исполнительный комитет по устройству Дня русской культуры в Чехословакии.

Праздник имел большой успех. Бем неоднократно привлекался к работе той или иной комиссии Комитета, отвечающей за проведение празднования Дня русской культуры, однажды даже стал членом жюри конкурса на лучшую торжественную песню, посвященную Дню русской культуры; с 1935 г. Бем входил в состав Президиума Комитета Дня русской культуры, в котором состоял до начала 1940-х гг. (последнее упоминание относится к 1943 г.). Особый размах празднование Дня русской культуры приобрело в 1937 г. в связи с приурочиванием его к годовщине гибели А.С. Пушкина; в 1941 г., по предложению Бема, празднование было посвящено М.Ю. Лермонтову.

Перечисленные факты биографии А.Л. Бема дают лишь небольшое представление о его вкладе в жизнь русского зарубежья, ведь невозможно не упомянуть и одну из основных сторон его деятельности: на протяжении более чем двадцати лет Бем являлся бессменным руководителем одного из наиболее значимых литературных объединений 1920–1930-х гг. – пражского «Скита» («Скита поэтов»), выпуская сборники стихов его участников, вел споры с виднейшими представителями эмиграции первой волны, Г. Адамовичем и Вл. Ходасевичем, о судьбе и роли писателей-эмигрантов, пытался вести литературный диалог с Советской Россией, когда другие представители культурной эмиграции опустили руки.

В докладе, прочитанном в 1922 г. на первом заседании объединения «Скит поэтов», он обосновывает свою оценку значения деятельности подобного рода объединения, формулируя основную мысль в заглавии доклада «Творчество как особая форма активности». Эта установка на «активизм», характеризующая не только литературную, но и жизненную позицию Бема в целом, не позволяла ему оставаться вне важных сфер жизни эмиграции. Всей своей работой, заключавшейся в изучении, преподавании и пропаганде русской литературы и культуры, общественной и социальной деятельностью Бем как будто пытался убедить окружающих (прежде всего – молодое поколение эмигрантов), что у русской эмиграции есть будущее.

Научная и просветительская деятельность А. Бема оставила заметный след в чешской культуре, в укреплении ее связей с культурой русской. Его наследие, еще до конца не изученное,

продолжает вызывать интерес не только отечественных, но и чешских исследователей.

Литература

1. Бубеникова М. Возвращение мастера // Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?): Каталог выставки. СПб.: Серебряный век, 1999. 64 с. С. 3–16.
2. День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году. Прага: Легиография, 1926. 112 с.
3. Магидова М. К публикации писем Д.И. Чижевского А.Л. Бему. Д.И. Чижевский: Письма А.Л. Бему (1925–1932); А.Л. Бем: Письмо Д.И. Чижевскому (1930) / публикация М. Магидовой и В. Янцена // Rossica. – Praha: Euroslavica, 2007. 240 с. С. 49–96.
4. Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском. Прага, 1933. 358 с.
5. Переписка, 1911–1936 / А.Л. Бем, В.И. Срезневский; сост., подгот. текста, введ., коммент., имен. указ.: М. Бубеникова и А.Н. Горяинов. Брно: Славистическое общ-во Франка Вольмана, 2005. 173 с.
6. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.
7. Сухачева В.А. Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы (1918–1939 гг.) // Образование и педагогика Российского Зарубежья. М.: ИНПО, 1995. 160 с. С. 44–55.

Кондратьев А.С.,
кандидат филологических наук, доцент,
Россия, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Kondratiev A.S.,
PhD in Philology, Associate Professor,
Russia, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А.С. ПУШКИНА И «ДОМОСТРОЙ»: ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

«CAPITAN`S DAUGHTER» A.S. PUSHKIN AND «DOMOSTROY»: THE PROBLEM OF THE SPIRITUAL FORMATION OF HUMAN

Аннотация

Воспитанный в домостроевских традициях родительского дома, восходящих к православному опыту русского народа, отрок Петруша Гринев с честью прошел через все испытания пугачевским бунтом, сохранив себя в нравственной чистоте и достойно продолжив линию жизни отца.

Abstract

Brought up in the Domostroevsky traditions of the parental home, going back to the Orthodox experience of the Russian people, Petrusha Grinev passed through all tests with the Pugachev rebellion with honor, retaining himself in moral purity and worthily continuing his father's life line.

Ключевые слова: Гринев, Белогорская крепость, семейство капитана Миронова, Маша, поединок, Пугачев, твердость и искренность, стихия заблуждений и смирение.

Keywords: Grinev, Belogorsk fortress, family of captain Mironov, Masha, duel, Pugachev, firmness and sincerity, elements of delusions and humility.

Обращаясь к возможным читателям своих *семейственных записок*, Петр Андреевич Гринев, прошедший в юности через испытания пугачевским бунтом, наставляет, как не растерять себя, в каких бы преисполненных трагизма обстоятельствах ни оказаться: «<…> лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [1, с. 46]. Оставшийся в живых из девяти детей своих родителей, Петруша Гринев, естественно, не был обделен любовью и заботой матери и отца: дозволялось *недорослю* многое, вплоть до лихих утех на голубятне и забав с дворовыми ребятами, а иногда и наведываться в девичью, но всегда была точно определена отцом, премьер-майором в отставке, граница допустимого в его благочестивом доме. Духовный регламент жизни родительского дома Гринева восходит к православным установкам на праведное самоопределение в «Домострое», изложенном и составленном еще в XVI в. прпт. Сильвестром Блоговещенским, увековеченным на памятнике «Тысячелетие России» как влиятельный православный мыслитель эпохи Ивана Грозного: «А если кто живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону <…> такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения» [2, с. 44]. Время

детства и юности Петруши склонно было по-своему расставлять акценты в *домовом строении*. Появившийся у них в доме парикмахер на правах учителя и воспитателя мосье Бопре был выставлен хозяином вмиг, когда ему стало известно о греховных прелюбодеяниях безшабашного обольстителя. 17-летний наивный отрок Петруша, отправленный волею отца на службу не в Петербург, преисполненный соблазнов и искушений, дабы не стал *шаматоном*, а в глухой Оренбург, выстоял-таки под напором властного бродяги и самозванца, исполнив завет отца: «Служи верно, кому присягнешь <…> и помни пословицу: береги платье с нову, а честь с молоду»[1, с.11]. Такое назидание не что иное, как домостроевское предписание: «Если же у богобоязненных родителей <…> дети воспитаны в страхе божьем и в добром наставлении <…> такие дети вместе с родителями своими Богом будут помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми похвалены» [2, с. 134]. И поэтому весьма значимо для *понимания* «Капитанской дочки» А.С. Пушкина как развивающегося и неисчерпаемого *духовного явления* наблюдение И.А. Есаулова: «Не должно удивлять и то, что проблема *благословения* является центральной проблемой художественного мира <…> для эгоцентричного секуляризованного сознания не требуется никакого благословения <…> этот пласт художественного содержания пушкинской повести может быть интерпретирован как одно из проявлений соборного начала» [3, с. 107], восстановлению доверия национального самосознания к которому на духовном историческом перепутье и посвящен «Домострой».

А.С. Пушкин намеренно не делает никаких различий между родительским домом Петруши и домом капитана Миронова, представлявшегося ему «строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы» [1, с. 23]. У коменданта же, в доме которого на стене среди прочих красовался лубок *погребение кота* как чаемое прощание с Петровской эпохой, посягнувшей на духовные доминанты православного сознания, Гринев был «принят как родной» [1, с. 27], да и крепость то была не военным укреплением, а всего на всего беззащитной деревушкой: получилось так, словно Петруша никуда и не уезжал. Но беззаботная жизнь отрока-недоросля прервалась грозными событиями: он стал очевидцем Пугачевского бунта. Петруша, вызванный к помиловавшему его на площади Пугачеву, уже Петр Андреевич! Так его называет потрясенная произошедшим Палашка, сообщая о судьбе Марьи Ивановны, честь которой он отстаивал в поединке со Швабриным: спрятана в доме пападьи, где как раз пировал Пугачев и куда к «великому государю» в

раз возмужавшего отрока вызвал казак. Пугачев, уверенный в расположении к себе избавленного от неминуемой смерти мальца, делает ему три завораживающих предложения, напоминающих по сути сатанинские искушения Иисуса Христа: «<…> скажи, чтобы камни сеи сделались хлебами <…> бросься вниз <…> все это дам Тебе, если падши поклонишься мне» (Мф. 4:3-9). Однако перед бродягой был не Сын Божий, а только вступающий в жизнь выпорхнувший из гнезда отрок-птенец. Если не было в жизни Гринева никаких изменений и он не получил воинской закалки, то какова должна быть сила духа, чтобы с глазу на глаз отказать своему, что ни говори, спасителю, не признав в нем государя, не приняв предложения послужить и даже не решившись обещать не служить против него. Отвечал Пугачев поначалу после колебаний, – Гринев запомнил это на всю жизнь, ведь записки-то составлены уже в зрелые годы как опыт понимания самого себя: «<…> чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческою» [1, с. 58]. Затем *твердость* возобладала в душе и голосе юноши, когда он не посмел изменить присяге пред святыми иконами Императрицы, от чего и предостерегал отец при расставании перед службой, хотя, конечно, ведать – не ведал о таком повороте событий. И чисто сердечно и с искренностью он говорит *нет* на, с виду, вполне безопасное для него – просто сказать, что не будет служить против, а там ищи свищи ветра в поле. После столь явных душевных истязаний Гринева дома встретил Савельич: «Слава тебе, владыка! – сказал он перекрестившись» [1, с. 59]. Во истину свершилось все по «Домострою»: «Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере христианской, как <…> всей душою и любым помышлением всеми чувствами искренней верою веровать в Отца и Сына и Святого духа <…> ибо этим спасение людям принес Господь» [2, с. 116].

Духовная мощь Петра Андреевича, не разменявшего душу свою на суетное и бренное, проявилась и в том, что он дерзнул принять на «службу» самого Пугачева. Коль не дали войска для освобождения Маши Мироновой из плена Швабрина, Гринев, узнавший о ее заточении и мольбе о помощи от урядника Максимыча, передавшего письмо против назначенного «государем» коменданта, снарядил на это дело Пугачева, и на пути из его «дворца» в Белогорскую крепость Гринев пытался вывести самозванца из стихии духовных заблуждений, как когда-то он вывел их с Савельичем из метели: «Не лучше ли тебе отстать <…> заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?» [1, с. 75]. К удивлению Швабрина, переметнувшегося к бунтовщикам, Пугачев не только кивнул Гриневу перед его отъездом в

Оренбург, где тот выступил с планом развертывания полномасштабный военных действий, но и провел его с собой к Марье Ивановне: «<…> Не умничай и не ломайся <…> я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною» [1, с. 77]. Развязка конфликта с разоблаченным им Швабриным наступила в сей же час, что не изгладилось в памяти автора семейных записок: «С омерзением глядел на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака» [1, с. 78]. Духовная состоятельность Гринев, встретившего на пути из Белогорской крепости Зурина и представшего перед ним уже зрелым мужем, восходит к домостроевской традиции православного миропонимания – жить по чести и по совести.

Первоосновой жизненного опыта Гринева, устоявшего в самых критических ситуациях на праведном пути, заложены домашним воспитанием в почитании святынь и в свете утверждения в сознании отрока исконных ценностных ориентиров, что и передал ему отец. Актуализация в повести «Капитанская дочка» православной традиции национального духовного опыта вписывается в контекст «большого времени» и отвечает на тревожные вызовы нашей эпохи, ведь писал же А.С. Пушкину в 1829 г. П.Я. Чаадаев, что хотел видеть его посвященным в *тайну времени*.

Литература

1. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Собр.соч.: в 5 т., Т. 4. СПб.: Библиополис, 1994. С. 7-104.
2. Домострой / Сост., вступ. ст., перевод и коммент. В.В. Колесова. М.: Советская Россия, 1990. 304 с.
3. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб.: РХГА, 2017. 550 с.

Конюхова Е.С.,
кандидат филологических наук, доцент
Россия, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Konyukhova E.S.,
PhD in Philology, Associate Professor
Russia, Lomonosov Moscow State University

КИТАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПЕСНИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РКИ

CHINESE LEGENDS AND SONGS IN THE INTERPRETATION OF FOREIGN PUPILS AT LESSONS IN RUSSIAN AS A FOREIGH LANGUAGE

Аннотация

В статье рассматриваются китайские легенды и песни в интерпретации иностранных учащихся на занятиях по русскому языку как иностранному. Навыки письменного перевода важны для будущих переводчиков, как одна из составляющих их профессиональных компетенций. В статье сопоставляются оригинальные версии народных песен и толкование их иностранными студентами с элементами местных особенностей.

Abstract

The article deals with Chinese legends and songs in the interpretation of foreign students in the classroom in Russian as a foreign language. Translation skills play an important role in the professional competences of future translators. The article compares the original versions of folk songs and their interpretation by foreign students with local peculiarities.

Ключевые слова: китайские легенды, китайские песни, толкование, варианты перевода.

Key words: Chinese legends, Chinese songs, translation options.

Китайская литература насчитывает около трёх тысячелетий. В Китае с детства школьники изучают легенды, сказки, песни. Китайская народная поэзия лирична и обычно предназначается для какого-нибудь особого случая – расставания, подарка или запечатлевает какой-то момент бытия. Существуют старинные песни, посвященные любви и войне, сельскому труду и праздникам. В настоящее время в Китае есть

песни, которые сохранились с древнейших времён, и их с радостью исполняют и сегодня. Среди них стоит назвать песню «Цветок жасмина». На практическом занятии по РКИ учащиеся написали сочинение и перевели текст песни самостоятельно. В интерпретации студентов перевод одной и той же песни звучит по-разному. Сопоставим два варианта:

1.«Жасмин» — это народная песня, которую нашёл и записал военный композитор Хэй Фэн в 1957 году. Песня рассказывает о девушке, которая любит жизнь, любит цветы, хочет собирать цветы и не решается их собирать.

Хороший жасмин, хороший жасмин
Хороший цветок и растение,
Жасмин – ароматный цветок.
В моём сердце расцветает этот цветок.
И люди, которые смотрят на цветы, хотят сорвать его.
Хороший жасмин, хороший жасмин.
Жасмин расцветает, как белый снег.
Но у меня есть сердце, и я боюсь, что в следующем году,
если я сорву цветок, то он не расцветёт.

2. «Цветок Жасмина» — старинная китайская народная песня, которая известна как второй государственный гимн. Песня «Цветок Жасмина» играет важную роль в культуре Китая. Она исполнялась во многих важных случаях, таких как церемония возвращения Гонконга, Олимпийские игры в Пекине и т.д. «Цветок Жасмина» был популярен в разных частях Китая с древних времен. Люди адаптировали данную песню, существуют разные версии в соответствии со своеобразным стилем каждого китайского города. Но эта песня наиболее распространена и наиболее представлена в районах, которые расположены к югу от реки Янцзы. В 1957 году военный композитор Хэй Фэн нашёл и записал эту песню, когда он собирал народные песни. В этой песне описывается одна девушка, которая любит жасмин, хочет сорвать его. Но одновременно она жалеет жасмин и боится, что другие люди будут ругать ее. Вот часть текста песни:

Прекрасный цветок жасмина,
Прекрасный цветок жасмина,
Ни один цветок в саду не сравнится с ароматом твоего цветения.
Я захотела сорвать себе один, чтобы носить,
Но побоялась, что садовник увидит и будет ругать.

Оба варианта песни «Цветок жасмина» переведены достаточно точно, но второй вариант наиболее близок к традиционному переводу этой песни.

Традиционная версия песни в эпоху Цин:

Прекрасный цветок жасмина,
Прекрасный цветок жасмина,
Никакие цветы и травы в саду не сравнятся с твоим ароматом.
Я захотела сорвать один, чтобы носить,
но побоялась, что тогда он не сможет распуститься в будущем году.

В первом варианте перевода учащегося с китайского на русский язык предлагается следующая трактовка: *Но у меня есть сердце, и я боюсь, что в следующем году, если я сорву цветок, то он не расцветёт*. Во втором варианте появляется образ садовника:

Я захотела сорвать себе один, чтобы носить,
Но побоялась, что садовник увидит и будет ругать.

Обе версии лаконичные, яркие и передают местные особенности перевода песни (в первой интерпретации песни используется версия «Цветок жасмина» города Янчжоу). Главная идея этой песни – надо беречь красоту, ведь она беззащитна и хрупка.

Особым интересом у студентов пользуются древние легенды. Среди них история о птичке Цзин Вэй. Перевод этой легенды учащимися предлагается в следующей трактовке: *Существует легенда, что когда-то давно императорская дочь играла на берегу восточного моря. Внезапно волной ее смыло с берега. Девушка утонула. После смерти она превратилась в маленькую птичку, которая все дни кричала: «Цзин Вэй! Цзин Вэй!». Поэтому люди прозвали ее птичкой Цзин Вэй. Она так сильно ненавидела море за то, что оно так рано отняло у нее жизнь, что она решила засыпать море. Каждый день она носила ветки и камни с Западных гор и бросала их в море, никогда не отдыхала. В конце концов птичка проколола себе клюв то ли камушком, то ли веткой и умерла.*

Смысл этой легенды в том, что человек ради осуществления своей цели должен идти до конца, несмотря на огромные трудности или непреодолимые препятствия.

По сравнению с другими переводами с китайского на русский язык этот вариант более краток. Например, отсутствует образность, характерная для литературных переводов других авторов; перевод таких слов и словосочетаний, как *шторм, все дни напролёт щебетала, душа, клюв, не зная ни сна, ни отдыха* и т.д. опущен в связи с

недостаточным лексическим запасом слов. Несмотря на это главная мысль легенды сформулирована точно, основное содержание легенды передано полностью и свидетельствует, безусловно, о навыках письменного перевода.

Вторая китайская легенда называется «Юй-гун передвигает горы». Она рассказывает о старике. В оригинальной версии название древнекитайской притчи «Глупец двигает горы». Она написана в период Чуньцю (770-476/403 гг. до н.э.) и Воюющих царств (476/403-221 гг. до н.э.). Авторство приписывается Ле Юйкоу - древнекитайскому философу. Текст этой легенды следующий: *Две горы, Тайхан и Ванъу, достигают семисот метров в окружности и вздымаются ввысь на десять тысяч сажен. Когда-то они стояли к северу от Цзичжоу и на юг от Хэяна. У подножия этих гор жил человек по прозвищу Простак с Северной Горы, и было ему уже девяносто лет. Очень было досадно Простаку всякий раз, когда он отправлялся по делам и возвращался домой, обходить большую гору на севере. Собрал он свою семью на совет и сказал: – Давайте, не жалея сил, сроем эту преграду, чтобы было нам удобно ходить от юга Юйчжоу до южного берега реки Хань! Все согласились, и только жена засомневалась: – Тебе не под силу срыть даже маленький холмик, а что говорить о Тайхан и Ванъу! Да и куда ты денешь столько земли и камней? – Будем сбрасывать их в залив Бохай, севернее Иньту. И вот Простак вместе со всеми своими детьми и внуками отправился на работу, и стали они дробить камни, рыть землю и относить ее корзинами в море. Сын соседки, вдовы из рода Цзинчэн, у которого только что выпали молочные зубы, тоже прибежал им помогать. Простак не возвращался домой до тех пор, пока на смену зиме не пришла летняя жара. Некий человек по прозвищу Умник с Излучины Реки стал смеяться над Простаком и отговаривать его: – Глупец! Да разве можешь ты, одряхлевший от старости, уменьшить гору хотя бы на волосок? Разве ты управишься с такой массой земли и камней? Простак с Северной Горы вздохнул и ответил: – Где уж тебе, твердолобому, понять это! Ума у тебя даже меньше, чем у моего младшего внука. К чему мне горевать о том, что я сам не успею кончить работу? Когда я умру, мое дело продолжат сыновья и внуки, а потом у них тоже народятся дети, а те тоже будут иметь детей, и так без конца. Мои потомки будут жить здесь всегда, а гора не станет больше. Умнику с Излучины Реки и возразить было нечего* [1].

Учащиеся по-своему интерпретировали содержание этой легенды:

В Северных горах живёт стойкий человек, который не боится трудностей. Ему уже 90 лет. Его дом стоял напротив двух больших гор: Тайхан и Вайву, которые загораживали дорогу к дому. Неудобно было выйти из дома или войти в дом. Он вызвал всю семью, чтобы обсудить это, и сказал: «Давайте стараться изо всех сил копать эти горы, что вы думаете об этом?». Все согласились. Его жена задала вопрос: «С помощью силы даже Куй Фу-гора не может быть сплющена, как можно это сделать с горами Тайхан и Вайву? Куда мы денем все эти камни и землю?». Остальные члены семьи ей ответили: «Камни и землю мы будем относить на берег моря». На следующий день Юй-гун со всей семьёй принялся за работу. День за днём, год за годом они никогда не останавливались. Другие смеялись над ним и говорили: «Ты такой глупый! В твоём возрасте ты и несколько былинок с этих гор едва ли уберёшь. Как ты думаешь срыть две огромные горы?». Юй-гун вздохнул и сказал: «Да, жить мне осталось не так уж долго. Но после моей смерти этим будут заниматься мои сыновья. Когда они умрут, мои внуки продолжат это делать, потом – их сыновья и внуки, и так до бесконечности, а мой род никогда не закончится. Почему же мы не сможем убрать эти горы?».

Первый вариант легенды из «Лецзы» (период Воюющих царств). Два героя – Простак и Умник спорят друг с другом о возможности достижения цели. Победителем становится Простак. Легенда имеет философский смысл близкий по звучанию к русской пословице «Терпение и труд всё перетрут», только в Китае говорят, что «Усердие и труд всё перетрут».

Второй вариант – это трактовка учащегося.

Главный герой – трудолюбивый человек. Он неустанно добивается поставленной цели, беззаветно борется, невзирая ни на что. Студент перевёл основной смысл легенды, подробно не описывая географическое положение гор, спора Умника с Простаком, акцентировав своё внимание на главной идее. Здесь и преемственность поколений, и стремление к достижению своей цели, и взаимопомощь, которые так важны в китайской традиции.

Перевод китайских песен и легенд интересен как для учащихся, так и для преподавателя, так как это и возможность добиться более глубокого понимания текста, и освоения творческого подхода к своей будущей профессии; возможности исследовать тексты других авторов или оригиналы текстов и т.д.

В китайских легендах и песнях нашли отражение народная мудрость, заветы предков, национальные традиции, духовная культура. На занятиях по РКИ учащиеся вовлечены в творческий

процесс изучения, перевода и толкования древних текстов, что помогает им в совершенствовании профессиональных компетенций.

Литература

1. Лецзы. Вопросы Тана. [Электронный ресурс] https://esoterics.wikireading.ru/51196

Корнаухова Т.А.,
кандидат педагогических наук, преподаватель
Россия, Липецкий медицинский колледж
Kornaukhova T.A.,
PhD in Pedagogic, teacher
Russia, Lipetsk Medical College

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО - НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЛИПЕЦКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

FORMATION PROFESSIONALLY - MORAL VALUES OF STUDENTS OF LIPETSK MEDICAL COLLEGE IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF PROFESSIONAL EDUCATION

Аннотация

В статье рассмотрен процесс формирования профессионально – нравственных ценностей студентов медицинского колледжа в рамках опережающей подготовки специалистов медицинского профиля путем введения вариативных учебных дисциплин в образовательные программы подготовки специалистов среднего звена.

Abstract

The article considers the process of formation of professional and moral values of medical College students in the framework of advanced training of medical specialists by introducing variable academic disciplines in the educational training programs of middle managers.

Ключевые слова: модернизация профессионального образования, региональный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами»; профессиональные ценности; Федеральные государственные образовательные стандарты, вариативные дисциплины и дисциплины по выбору.

Keywords: modernization of vocational education, regional projects project "Providing medical organizations of the health care system with qualified personnel"; professional values; Federal state educational standards, variable disciplines and elective disciplines.

Модернизация профессионального образования, обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования – это задачи, поставленные перед педагогическим сообществом в Национальном проекте «Образование», утвержденном 24 декабря 2018 года [1]. Основные тезисы, озвученные Президентом В.В. Путиным на совещании в г. Екатеринбурге по вопросу развития системы среднего профессионального образования, нашли свое отражение в Национальном проекте «Образование».

Национальный проект «Образование» реализуется через федеральные и региональные проекты, в том числе через региональный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», основная цель которого – обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами среднего медицинского персонала [3], подготовка высококвалифицированных специалистов в соответствии с современными стандартами.

Модернизация системы профессионального образования, проводимая в России: апробируются новые образовательные программы и методики, отрабатываются механизмы дуального обучения, расширяется сетевое взаимодействие и тд., способствует развитию конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Обеспечение опережающей подготовки специалистов среднего звена для развивающейся отрасли «Здравоохранение» в условиях цифровой экономики в соответствии с передовыми технологиями, стандартами Ворлдскиллс Россия – это основная миссия, возложенная на ГАПОУ «Липецкий медицинский колледж».

Учитывая это, ведущим направлением работы ГАПОУ «ЛМК» является формирование условий для развития у обучающихся личностных качеств, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда, а также развитие нравственных качеств, общих и

профессиональных компетенций, необходимых для будущей специальности.

Этическая проблематика является одной из наиболее значимых составляющих жизнедеятельности человека. Вопросы морали и нравственности сопровождают человека в его личной, общественной и профессиональной жизни [6].

Современный период в российской истории и образовании — время смены ценностных ориентиров. В 90-е гг. прошлого столетия в России произошли как важные позитивные перемены, так и негативные явления, неизбежные в период крупных социально-политических изменений. Эти явления оказали отрицательное влияние на общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношение людей к обществу, государству, закону и труду, на отношение человека к человеку.

Присутствует смена жизненных приоритетов молодежи, происходит разрушение ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок [5].

Образованию определена ведущая роль в духовно-нравственном объединении российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности [5].

Особую роль вопросы этики играют в профессиональной деятельности с повышенной моральной ответственностью, поскольку данные виды профессиональной деятельности обеспечивают жизнеспособность общества. Общепризнанно, что медицина является одним из ключевых видов профессиональной деятельности с повышенной моральной ответственностью [6].

В средствах массовой информации изобилие негативных примеров аморального поведения медицинских работников, нарушения медицинской этики [7], поэтому в ГАПОУ «Липецкий медицинский колледж» большая роль отводится формированию профессионально-нравственных ценностей студентов.

Профессиональные ценности можно определить как систему норм, регламентирующих профессиональную деятельность, выступающих основным механизмом трансляции между социокультурными нормами в области специфической профессиональной деятельности и деятельности специалиста [10].

Профессиональное воспитание будущего медицинского работника осуществляется в Липецком медицинском колледже через

формирование этических знаний и нравственных убеждений студентов.

Профессиональное воспитание, осуществляемое в Липецком медицинском колледже, реализуется на уровне организации аудиторной и внеаудиторной работы.

Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам среднего профессионального образования по специальностям определена обязательная часть программы подготовки среднего звена, составляющая 70% от общего объема времени, и вариативная часть (30%), которая дает возможность расширения подготовки, получения дополнительных компетенций, умений и знаний, необходимых для обеспечения конкурентоспособности выпускника в соответствии с запросами регионального рынка труда и возможностями продолжения образования [2].

Это позволило ввести дополнительные учебные дисциплины и профессиональные модули в образовательные программы колледжа по 6 специальностям: 31.02.03 Лабораторная диагностика, 31.02.01 Лечебное дело, 34.02.01 Сестринское дело, 33.02.01 Фармация, 31.02.02 Акушерское дело. В том числе, в общий гуманитарный и социально-экономический учебный цикл введена учебная дисциплина Основы православной культуры в количестве 36 аудиторных часов, которая изучается на старших курсах.

Рабочая программа данной учебной дисциплины включает в себя разделы:

1. «Основы православного вероучения и культуры» изучает основные понятия православия с позиции культурологии.

2. «Служение медицинских работников на основе духовно-нравственных ценностей православия» предполагает изучение традиций милосердия в православии и отечественной медицине, взаимодействие медицины и православия, роль сестер милосердия в истории России.

3. При изучении раздела «Образ жизни, основанный на нравственном идеале православия» даются понятия брак и семья в православной культуре; государствообразующая роль православия в истории России.

При изучении студентами общеобразовательного учебного цикла предусматривается введение в учебный план дополнительных учебных дисциплин по выбору обучающихся, предлагаемых профессиональной образовательной организацией. В нашем колледже одной из дисциплин по выбору является учебная дисциплина

«Духовные основы милосердия» в количестве 36 аудиторных часов, состоящая из разделов:

1. «Понимание духовных основ милосердия на примере православия». В этом разделе студенты рассматривают вопросы духовного содержания понятия милосердие, человечности, человеколюбия, справедливости.

2. «Христианское понимание духовных причин физических страданий, болезней и помощи страдающему человеку» предусматривает изучение понятий: грех как причина болезней; здоровье духовное, психическое и физическое; дух, душа и тело человека; христианские добродетели как основа духовного, душевного и телесного здоровья; отношение христиан к телу и физической жизни.

3. При изучении раздела «Служение современного медицинского работника и духовно-нравственные ценности православия» студенты знакомятся с милосердным служением медицинского работника, рассматривают взаимодействие медицины и православия в современной России.

Студенты с удовольствием посещают вышеуказанные учебные дисциплины, о чем свидетельствует высокий средний балл по данным дисциплинам, который составляет по «Духовным основам милосердия» – 4,8, по «Основам православной культуры» – 4,6 при 100% успеваемости.

В соответствии со «Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» приоритетной задачей воспитания, обозначенной в Программе Модернизации «ГАПОУ «Липецкий медицинский колледж» на 2018-2019 гг., является развитие высоконравственной личности студента, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины [11].

Внеаудиторная работа строится в соответствии с практико-ориентированным подходом, заявленном во ФГОС СПО. В частности, согласно Программы модернизации воспитательной деятельности ГАПОУ «ЛМК» реализуются следующие направления внеаудиторной деятельности: «Семейное и репродуктивное», «Гражданско-патриотическое», «Культурно-творческое», «Профилактическое», «Добровольческое».

В колледже функционируют волонтерские отряды. В 2018 году, объявленном Президентом В.В. Путиным годом добровольца и волонтера, волонтёрский отряд Липецкого медицинского колледжа по

медицинскому направлению стал победителем областного конкурса «Доброволец года – 2018».

Таким образом, введение вариативных дисциплин и дисциплин по выбору «Основы православной культуры» и «Духовные основы милосердия» в учебные планы ГАПОУ «ЛМК» в условиях модернизации профессионального образования, реализация программы Модернизации воспитательной деятельности ГАПОУ «ЛМК» способствует формированию профессионально-нравственных ценностей студентов, что находит свое отражение в реализации регионального проекта «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», внедряемого в Липецкой области, во время прохождения студентами учебной и производственной практик в медицинских организациях города и области.

Заслуги волонтерского отряда по медицинскому направлению ГАПОУ «Липецкий медицинский колледж» определены дипломом победителя областного конкурса «Доброволец года – 2018».

Литература

1. Национальный проект «Образование», утвержденный 24.12.2018 г.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 34.02.01 Сестринское дело (в ред. Приказов Минобрнауки России от 09.04.2015 N 391, от 24.07.2015 N 754). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 г. N 502.
3. Региональный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами». Утвержден 13.12.2018 г.
4. Башханова Н.С. Проблемы нравственного воспитания студентов медицинского колледжа / Инфоурок [Электронный ресурс] URL: https://infourok.ru/problemi-duhovnonravstvennogo-vospitaniya-studentov-professionalnih-uchebnih-zavedeniy-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva-1338844.html Дата последнего обращения 5.05.2019.
5. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 26 с.
6. Корнаухова Т.А. Формирование нравственно-профессиональных ценностей у будущего медицинского работника в процессе обучения в колледже: Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата педагогических наук, 13.00.08 – теория и методика профессионального образования. Елец, 2015. 23 с.
7. Кузьмина Л.П. Профессионально-нравственное воспитание студентов медицинского колледжа / Мультиурок. [Электронный ресурс] URL: https://multiurok.ru/files/profiessional-no-nravstviennoie-vospitaniie-studientov-mieditsinskogho-kolliedzha.html Дата последнего обращения 5.05.2019.
8. Корнаухова Т.А. Содержание опыта формирования нравственно-профессиональных ценностей будущего медицинского работника в процессе обучения в липецком медицинском // Аспирант и соискатель. 2015. №2 (86). С. 16-18.
9. Корнаухова Т.А. К вопросу об определении понятия «нравственно-профессиональные ценности» в контексте аксиологического пространства медицины // Современные гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 114-116.
10. Корнаухова Т.А. Роль добровольчества и волонтерства в формировании нравственно-профессиональных ценностей будущего медицинского работника // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1-2. С. 57-59.
11. Программа Модернизации «ГАПОУ «Липецкий медицинский колледж» на 2018-2019 г.

Попова Е.А.,
доктор филологических наук, профессор,
Россия, Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Popova E.A.,
Doctor of Philology, Professor,
Russia, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ (ЛИПЕЦКИЙ) ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

PROVINCIAL (LIPETSK) TEXT IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE

Аннотация

Статья посвящена прецедентным текстам региональной направленности, связанным с Липецким краем и составляющим Провинциальный (Липецкий) сверхтекст русской литературы.

Abstract

The article is devoted to the precedent texts of regional orientation related to the Lipetsk region and constituting the Provincial (Lipetsk) supertext of Russian literature.

Ключевые слова: национально прецедентные тексты, прецедентные тексты региональной направленности, Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы, региональные топонимы и антропонимы, гражданская, национальная и культурная идентичность.

Keywords: national precedent texts, precedent texts of regional orientation, Provincial (Lipetsk) text of Russian literature, regional toponyms and anthroponyms, civil, national and cultural identity.

Кирилл и Мефодий – создатели первого славянского алфавита и первого общеславянского литературного языка (старославянский язык – это общеславянский элемент в культурах восточных и южных

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

славян). «Как в современной гражданской кириллице, которой пользуются восточные и некоторые южные славяне, жива глаголица первоучителей, так и созданный ими литературный язык настолько повлиял на новые литературные языки славянских народов православного вероисповедания, что он продолжает жить в литературных языках украинцев, белорусов, болгар, македонцев и сербов. И в наибольшей мере язык Кирилла и Мефодия впитан современным русским литературным языком» [1, с. 318–319]. Достойное продолжение Кирилло-Мефодиевской традиции представляет собой русский язык и созданная на его основе русская литература.

Среди словесных текстов, оказывающих наиболее сильное влияние на формирование филологической культуры языковой личности, самое важное место принадлежит прецедентным текстам, под которыми понимаются тексты, «значимые для... личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников», тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Дальнейшее изучение прецедентных текстов привело к их различным классификациям (одной из самых распространенных является деление прецедентных текстов на универсально прецедентные, национально прецедентные, профессионально прецедентные), а также к их включению в ряд прецедентных феноменов, таких, как прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации. Одним из новых аспектов исследования прецедентных текстов и феномена прецедентности в целом является выделение среди национально прецедентных текстов прецедентных текстов региональной направленности [4]. Это национально прецедентные тексты (в первую очередь, художественные, а также публицистические, мемуарные, эпистолярные, дневниковые), в которых речь идет о том или ином регионе (крае). В таких текстах, как правило, упоминаются региональные топонимы и антропонимы. Применительно к Липецкому краю к таким текстам будут относиться национально прецедентные тексты, созданные родившимися, жившими и/или бывавшими здесь прозаиками и поэтами (А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, И.А. Буниным, М.М. Пришвиным, Е.И. Замятиным, Б.Л. Пастернаком, К.Г. Паустовским, М.И. Цветаевой, М. Горьким и др.). «Липецкие» топонимы и антропонимы встречаются в произведениях вышеназванных и других

авторов. Уже такая сильная позиция некоторых прецедентных текстов, как заглавие, включает «липецкие» топонимы: это комедия А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (это драматическое произведение, действие которого происходит в Липецке, написано в 1815 г., оно стоит у истоков Провинциального (Липецкого) текста), рассказы И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника» — «Лебедянь» и «Касьян с Красивой Мечи» и др. В число таких текстов могут быть включены роман Г.И. Николаева «Астапово», описывающий последние месяцы жизни и смерть Л.Н. Толстого на маленькой железнодорожной станции, а также очерк В.И. Немировича-Данченко «Елец» и др.

Многие авторы национально прецедентных текстов имеют прямое отношение к Липецкому краю. На липецкой земле родились и жили несколько поколений предков А.С. Пушкина, отец М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунин, М.М. Пришвин, А.И. Левитов, Е.И. Замятин, А.И. Эртель и др.; бывали В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, М. Горький, М.И. Цветаева и др. Этими и другими писателями созданы классические произведения русской литературы, являющиеся гордостью как нашего края, так и всей русской литературы.

В последние годы в лингвистике активно изучаются сверхтексты: выделены и описаны Петербургский, Московский, Провинциальный, Киевский, Лондонский, Американский и другие тексты. Под сверхтекстом понимается «совокупность … текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это целостное образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов)» [7, с. 374]. Сверхтексты составляют культурный фонд нации.

Прецедентные тексты региональной направленности, имеющие отношение к Липецкому краю, являются частью Провинциального сверхтекста русской литературы, одним из его локальных ответвлений. Иными словами, данные тексты составляют Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. В рамках проекта, поддержанного РФФИ, ― «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» ― был составлен корпус прецедентных текстов региональной направленности, образующих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы [6]. В данный корпус вошли национально прецедентные тексты и их фрагменты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные),

созданные родившимися, жившими и/или бывавшими на липецкой земле и писавшими о ней прозаиками, поэтами, драматургами и другими деятелями русской культуры XIX–XXI вв. В процессе подготовки этого труда было собрано 230 региональных текстов и их фрагментов 53 авторов XIX–XXI вв. Работа над проектом продолжается.

Тексты региональной направленности оказывают сильное влияние на формирование личности, на укрепление исторической преемственности поколений, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России. Данная разновидность прецедентных текстов является одним из средств формирования гражданской, национальной, культурной идентичности в России, так как делает великих русских писателей и их произведения частью «своего» мира. Продемонстрируем это на конкретных примерах, в которых говорится о Липецке.

В корпус прецедентных текстов региональной направленности вошли некоторые произведения А.С. Пушкина («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Начало автобиографии», стихотворение «Дон» и др.), который бывал в наших местах, а также произведения о Пушкине, в которых говорится о его липецких корнях. Липецкий край – прародина великого русского поэта. Предкам Пушкина принадлежали расположенные недалеко от Липецка села Кореневщино и Капитанщино (ныне Добровский район). Недалеко от Христорождественского собора (на современной улице Ленина) находилась усадьба прапрадеда Пушкина. В Липецке состоялось знакомство и венчание дедушки и бабушки Пушкина.

В незаконченной поэме «Езерский» поэт писал о себе и своих предках следующее:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

Речь здесь идет о родной бабушке Пушкина — Марии Алексеевне Пушкиной (Ганнибал) (1745–1818), — которая, прежде чем переехать в Москву и стать «московской бабушкой», была «бабушкой липецкой»: в Липецке она жила вместе со своими родителями, по одним данным — здесь она родилась; здесь в 1773 г. в Вознесенском храме, который, к сожалению, до наших дней не сохранился, состоялось ее венчание с Осипом Абрамовичем Ганнибалом (1744–

1806) — сыном знаменитого арапа Петра Великого (Осипа Ганнибала направила в Липецк Екатерина II для осмотра и ревизии железоделательных заводов); сюда она вернулась после развода с мужем вместе с малолетней дочерью Надеждой — будущей матерью Александра Пушкина.

У Ю.Н. Тынянова в романе «Пушкин» есть отрывок, в котором изложены мысли бабушки Пушкина, готовящейся к встрече гостей, приглашенных в московский дом Пушкиных по случаю крестин внука Саши. Значительное место в ее размышлениях занимает город Липецк: *В глубине души она считала основательным местом и вообще основным местом своей жизни город **Липецк**, невдалеке от которого была усадьба ее отца и в котором она живала барышнею. Город был чистый, главные улицы обсажены дубками и липами. Груш и вишен — горы. Девки в безрукавках, расшитых сорочках. А липы как раз в такую пору цвели; от них шел густой приятный дух. Приезжали летом самые лучшие люди, самые нарядные, сановные, из столиц − купаться в липецких грязях. На чугунные заводы посылали самых лучших и тонких офицеров из столицы с поручениями по артиллерии. И когда она выходила замуж, ей все завидовали, хотя и притворялись, что равнодушны, и даже посмеивались, что идет за арапа. Был по морской артиллерии, любезен до пределов, весь как на пружинах, страстен и на все готов для невесты. А оказался злодей.*

Будучи нагло покинутой с малолеткой дочерью на руках, без всякого пропитания, поехала она в деревню к родителям; но родитель был уже стар, арап, вторгшийся в семью, омрачил его жизнь, и он от паралича скончался. Так арап стал двойным злодеем. После смерти отца Марья Алексеевна жила со своей матерью и маленькой дочерью в лютой бедности. Иной раз в доме не было черствого хлеба. Дворня бегала от них, боясь умереть голодной смертью.

*А **Липецк** как был, так, говорят, и стоит.*

Последнее предложение в немного видоизмененном виде (*А **Липецк** как стоял, так, говорят, и стоит*) повторяется в романе еще раз. Все в жизни героини меняется, но провинциальный город, который она считает «основным местом своей жизни», остается неизменным. Здесь находит реализацию концепт «покой», который входит в концептосферу Провинциального сверхтекста. В целом в этом концепте представлены как положительные, так и отрицательные признаки. Положительная сторона концепта *покой* часто получает реализацию в тех составляющих Провинциального текста русской литературы, которые имеют отношение к изображению Липецка и Ельца. В описании уездного города Липецка четко видны два его

«статуса», сохранившиеся до настоящего времени: город-курорт и промышленный город.

Сам Пушкин в «Начале автобиографии» так писал о родителях матери и их несчастливом браке: *Дед мой,* ***Осип Абрамович*** *(настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения <…>)* ***—*** *дед мой служил во флоте и женился на* ***Марье Алексеевне Пушкиной****,* ***дочери тамбовского воеводы*** *<…>. И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь* (Надежде Осиповне, будущей матери Пушкина, в это время было не три года, а девять лет. — Е.П.)*, а дедушка послан на службу в Черноморский флот. Тридцать лет они жили розно.*

Наш земляк П.И. Бартенев (1829–1912), историк, первый пушкинист, основоположник пушкинистики, основатель и издатель историко-литературного журнала «Русский архив», в своем исследовании «Род и детство Пушкина» отмечал: *Младший сын,* ***Осип Абрамович****, флотский офицер, приехав в 1773 году на* ***липецкие*** *чугунные заводы, женился на* ***дочери тамбовского воеводы****,* ***Марье Алексеевне Пушкиной****. Соединясь браком по страсти, они вскоре развелись и до конца жизни не сходились. <…>*

Марья Алексеевна Ганнибал *замечательна для нас особенно потому, что была первою воспитательницею поэта. У нее выучился он читать и писать по-русски. Он <…> слушал ее рассказы про старину... От нее, без сомнения, осталось в памяти Пушкина много семейных преданий. Заметить надо, что* ***Марья Алексеевна*** *отлично писала по-русски. Русским слогом ее писем восхищался Дельвиг.*

В наших местах бывал Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) — поэт, переводчик, один из основоположников романтизма в русской поэзии, литературный наставник А.С. Пушкина. В 1826–1841 гг. Жуковский был наставником наследника русского престола — великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II, отменившего крепостное право). В 1837 г., сопровождая наследника во время обзорного путешествия по России, Жуковский побывал в Липецке, Ельце, Задонске, Усмани, ряде сел нашего края,

встречался с жившими здесь людьми. Впечатления от этого путешествия нашли отражение в дневниковых записях В.А. Жуковского. Во время посещения Липецка В.А. Жуковский сделал в дорожном альбоме зарисовки Соборной горы, Нижнего парка, Древне-Успенской церкви.

О Липецке Жуковский следующим образом писал в дневнике: *4 июля, воскресенье. Переезд из Тамбова в Липецк. Вся дорога хлебородною равниною. <…> Липецк вдали на горе, покрытой пашнями. Внизу село с каменною церковью. Липецк весьма красивый город на высоте. Прекрасно обстроенная Дворянская улица для приезжающих лечиться. Осмотр ванн: красивое здание. Ванны деревянные. Души. Зальце для танцев деревянное. Лавки. Каменная ротонда, где пьют воду. Гнилые мосты, их коих один обрушился под народом. Ныне больных 32 семейства. Директор Романович чудак. Дворянский сад с прекрасным видом на озеро*.

В этом фрагменте Жуковский упоминает Дворянскую улицу (ныне — это улица Ленина), Соборную гору (на ней находится Соборная площадь (другое название — площадь Ленина), по краю Соборной горы проходит Дворянская улица), Дворянский сад (ныне — это Верхний парк), озеро (это Петровский пруд — утраченная достопримечательность Липецка, сооруженная в XVIII в. и расположенная на территории Нижнего парка; в царской России это был самый большой рукотворный водоем, его площадь составляла 70 га), здания Липецкого курорта минеральных вод.

О своей малой родине — Липецком крае — с большой теплотой писал П.И. Бартенев. В конце жизни им созданы «Воспоминания» (продиктованы в 1910 г. дочери и охватывают период с конца XVIII в. до конца 1850-х гг.), в которых он значительное место отводит Липецку, жившим здесь родственникам и другим людям, их жизни и судьбам. Вот, например, фрагмент, в котором отразились липецкие впечатления Петра Бартенева о своем детстве: *... Мы живали в этой деревне* (Королевщино. — Е.П.) *только летом, остальное время проводили в 25-ти верстах оттуда в* ***г. Липецке на Дворянской улице*** *с прекрасным видом на* ***огромное озеро***. ***Улица*** *была на значительном возвышении, и* ***под горою церковь*** *и так называемый* ***«Живоносный Источник»*** *с чудесною водою, которую можно было пить сколько угодно. Тетенька Надежда Петровна часто водила меня туда к обедне, которую служил благообразный молодой священник отец Зиновий. Он позволял мне иногда стоять в алтаре, и его служение западало мне в душу. У тетеньки в кармане всегда бывал стакан, и мы пили воду из живоносного источника. Не понимаю, как мог я, уже с*

*костылем, спускаться туда и карабкаться вверх домой. Наверху был чудесный, так называемый **«казенный сад»** со скамейками. Сидя там, я любовался видом на **озеро** и на **село Студенки** влево. По правой стороне внизу находилось **заведение железно-минеральных вод**, открытых Петром Великим, которому **памятник** поставлен откупщиком **Небучиновым** на полугоре, когда ехать с **Дворянской улицы** вниз в торговую часть города. Вообще **Липецк** очень живописен, и, сопровождавший в 1837 году наследника Александра Николаевича, В.А. Жуковский занес в свой дорожный альбом два вида нашего **Липецка** с его прекрасным **собором**, об украшении которого стенною живописью заботился Петр Лукич Вельяминов, приятель **Державина**. Там в левом приделе венчалась моя мать и там же ее отпевали. На **Липецком кладбище** у меня несколько дорогих могил, начиная с незнакомых мне лично, но свято чтимых, **дедушки Петра Тимофеевича и бабушки Екатерины Дмитриевны,** родом Кадышевой <…>.*

П.И. Бартенев упоминает ряд липецких топонимов, многие из которых до сих пор являются наименованиями главных достопримечательностей Липецка: Христорождественский собор («прекрасный собор»), Древне-Успенскую церковь («под горою церковь»), Петровский пруд («огромное озеро»), Верхний парк («казенный сад»), памятник Петру I, курорт минеральных вод («заведение железно-минеральных вод»), церковь «Живоносный Источник», Дворянскую улицу и др. Визитной карточкой нашего города является памятник (обелиск) Петру I, созданный по инициативе и на средства купца Небученова в 1839 г. Создание памятника связано с открытием Петром I в наших местах в 1700 г. минеральных источников и устройством железоделательных и чугуноплавильных заводов. Изготовили памятник на Тамбовском чугунолитейном заводе, в 1839 г. состоялось открытие обелиска. Обелиск представляет собой чугунную трехгранную пирамиду с барельефами с двух сторон. На одном изображен римский бог Вулкан, покровитель кузнецов, на другом — богиня здоровья, Гигея. Эти изображения символизируют заслуги Петра I, сделанные в Липецке, а именно создание заводов и открытие минеральных источников.

Некоторые из достопримечательностей, упомянутых П.И. Бартеневым (церковь «Живоносный Источник», Петровский пруд), до наших дней не сохранились. Церковь «Живоносный источник» — надкладезная часовня иконы Божией Матери «Живоносный источник», находившаяся у южной стены Древне-Успенской церкви (ее запечатлел В.А. Жуковский на одном из своих рисунков,

сделанных в Липецке). Рядом с часовней из-под склона горы вырывались огромные потоки воды нескольких ключей. Живоносный источник с часовней привлекали большое количество богомольцев. Часовня была разрушена после закрытия Успенской церкви в конце 1930-х гг. В начале 1970-х гг. это место было засыпано землей.

Бартенев упоминает в процитированном фрагменте Державина, а также своих дедушку, бабушку, тетю. Его дедушка Бурцев Петр Тимофеевич (1726–1826), проживший сто лет, был липецким городничим. Он был женат на Екатерине Дмитриевне Кадышевой, в их семье родились двадцать два ребенка, но до зрелого возраста дожили только шестеро, в числе которых была и Аполлинария — мать П.И. Бартенева. Как писал П.И. Бартенев в своих «Воспоминаниях», в доме Петра Тимофеевича останавливался Г.Р. Державин, когда был губернатором Тамбовской губернии (1785–1788) и приезжал в Липецк, входивший в состав Тамбовской губернии.

Бартенев был знаком с Л.Н. Толстым, по просьбе которого консультировал и редактировал первое издание романа «Война и мир». В этом романе упоминается Липецк. Когда во время Отечественной войны 1812 г. княжна Марья Болконская, уже потерявшая отца, получает от Николая Ростова известие о том, что раненый князь Андрей находится вместе с семьей Ростовых в Ярославле, она решает ехать из Воронежа, где она в то время была, к умирающему брату. Путь княжны проходит через Липецк: *Ехать обыкновенным путем на Москву нельзя было и думать, и потому окольный путь, который должна была сделать княжна Марья: на* ***Липецк****, Рязань, Владимир, Шую, был очень длинен, по неимению везде почтовых лошадей, очень труден и около Рязани, где, как говорили, показывались французы, даже опасен* (т. 4, ч. 1, гл. XVI).

Феномен Провинциального (Липецкого) текста заключается в том, что он, имея давнюю традицию, продолжает развиваться в настоящее время, о чем свидетельствуют произведения современных липецких писателей Т. Щегловой, Т. Скрундзь, Г.Н. Рязанцева-Седогина и др., в которых Липецк впервые становится предметом художественной рефлексии.

Как верно замечено, «в повседневной жизни мы не встречаемся с мерой, с помощью которой можно было бы измерить патриотизм. Патриотизм — это чувство гордости своим Отечеством, его историей, свершениями. Любовь к Отечеству становится силой духа только тогда, когда у человека запечатлены в сознании образы, связанные с родным краем, языком, когда появляется чувство гордости от того, что все это — твоя родина» [3, с. 116]. Прецедентные тексты, связанные с

родным краем, — это одно из действенных средств формирования образа или образов Родины в сознании представителей молодого поколения, своего рода олицетворение «скрытой теплоты патриотизма». М.М. Пришвин в 1919 г., работая учителем географии в Елецкой гимназии, в которой он когда-то учился (сейчас это средняя школа №1 им. М.М. Пришвина), записал в дневнике: «Вопрос: что обозначает слово родина и слово отечество, – какая между ними разница? Ответ: родина – место, где мы родились, отечество – родина, мною сознанная» [5, с. 120]. Тексты, описывающие родной край, позволяют приблизиться к пониманию Отечества как «родины, сознанной» каждым человеком. Литература, связанная с родным краем, через понятие малой родины и ее составляющие (тексты региональной направленности, Провинциальный сверхтекст, региональные топонимы и антропонимы и др.) поможет современным носителям языка почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную, культурную и гражданскую идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности.

Литература

1. Верещагин Е.М. Кирилл и Мефодий как создатели первого литературного языка славян // Очерки истории культуры славян. / Ред. коллегия: В.К. Волков, В.Я. Петрухин, А.И. Рогов и др. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 306–319.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Коршакова О.В. Воспитание патриотизма на уроках музыки в начальной школе // Материалы к словарю тульских говоров: язык, история, традиции: Сб. научн. ст. / Под общ. ред. Д.А. Романова, Н.А. Красовской. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 116–121.
4. Попова Е.А. Прецедентные тексты региональной направленности как новый аспект изучения феномена прецедентности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. №3. С. 70–72.
5. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 8. Дневники, 1905–1954. М.: Худож. лит., 1986. 759 с.
6. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. ред. Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.

7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

Томилина Н.Ю.,
кандидат культурологии, доцент,
Россия, Липецкий государственный технический университет
Tomilina N.Y.,
Candidate of cultural sciences, Associate Professor
Russia, Lipetsk State Technical University

ВЫВЕСКИ КАК ЖАНР ГОРОДСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

SIGNS AS GENRE OF URBAN COMMUNICATION

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы специфичной сферы городского языкового пространства, представленной через синтез визуальных и вербальных коммуникаций, наиболее рельефно иллюстрируемый посредством вывесок различных организаций. Выполнен анализ существующих вывесок г. Липецка и выявлены основные тенденции городской письменности открытого пространства.

Abstract

In the article the problems of specific sphere of urban language space, presented through the synthesis of visual and verbal communications, the most broadly illustrated by means of signs of various organizations, are being considered. The analysis of existing signs of Lipetsk has been done and the main tendencies of city writing of open space have been revealed.

Ключевые слова: языковое пространство; визуальные коммуникации; вербальные коммуникации; функционирование вывесок.

Key words: language space; visual communications; verbal communications; the functioning of signs.

Одной из наиболее распространённых сфер языкового пространства современной цивилизации является городская коммуникация. Языковая ситуация в городском пространстве может быть рассмотрена в различных аспектах. Например, городские вывески

— результат синтеза визуального (невербального) и словесного (вербального) наполнения — во многом определяют облик любого города нашего времени. Вывески (наименования магазинов, фирм, компаний, развлекательных учреждений) сегодня воспринимаются как один из жанров городской письменности открытого пространства, став неотъемлемой частью городской среды, её ориентирами, а также — компонентами урбанистической эстетики.

Процесс от замысла имени до проектирования рекламной надписи приводит к созданию вывески, являющейся результатом синтеза визуального и словесного наполнения. Главная задача вывески — привлечь внимание к самому объекту — магазину, кафе, клубу — оповестить потенциальных клиентов о роде его деятельности. Граждане должны знать, чем заведение может быть им полезно и чем занимаются его сотрудники: торгуют, лечат, кормят, развлекают, кредитуют, стригут или моют. Но так ли это на самом деле? И какой должна быть вывеска в соответствии с законом?

Вывеска на фасаде здания согласно Федеральному закону РФ от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 27.12.2018) должна располагаться над входом или витринами, не являться рекламой, содержать только следующие сведения: наименование, адрес, рабочий график, вид деятельности. Если на стене располагаются несколько вывесок, то они должны находиться на одной оси. Максимальная высота информационной дощечки по закону — 50 см., ширина — 70% от фасада, но не больше 15 м. А высота букв — 10 см. Размер надписи — не меньше 15 см. Опыт показывает, что вывески не всегда содержат нужную потребителям информацию и крайне редко соответствуют параметрам при их изготовлении и размещении [1, с. 22].

Закон регламентирует язык надписей на вывесках — русский. Возможно использование графических изображений. Надпись, выполненная на иностранном языке, разрешена, если: товарный знак зарегистрирован на иностранном языке (графические интернационализмы); получено право использования данного товарного знака; наименование на иностранном языке должно быть меньше надписи со сведениями о виде деятельности в 2 раза; нельзя использовать аббревиатуры и сокращения; надпись на иностранном языке не должна быть выполнена в русской транслитерации. Информационные конструкции в форме вывесок не только позволяют получать потребителям необходимые сведения, но содержат серьезный культурологический и социолингвистический смысл.

Анализ существующих вывесок позволяет выявить основные тенденции в оформлении современного городского открытого

пространства и приоритетные ценности мышления городских жителей — владельцев бизнеса, специалистов в сфере рекламной деятельности, чиновников, утверждающих и разрешающих размещение объектов наружной рекламы в целом и вывесок как информационных носителей, в частности.

1. В Липецке удалось насчитать более 40 магазинов и фирм, в названии которых присутствует слово «мир», и около 10, включающих в свой состав слово «планета». Большинство этих наименований не просто банальны, а нелепы и смешны. Не говоря уже о том, что «вселенские» претензии владельцев предприятий мало оправданы: мизерные размеры заведения, скромный ассортимент товаров, да и месторасположение (в основном в подъездах жилых домов) никак не соответствует галактическим амбициям владельцев бизнеса. «Мир колготок», «Мир одежды», «Мир рубашек», «Мир панелей», «Мир кожи», «Мир собственности», «Мир безопасности», «Мир любви», «Мир авточехлов», «Мир дерева», «Мир кирпича», «Мир камня», «Мир танца», «Мир эспрессо», «Мир колясок», «Мир недвижимости», «Автомир», «Зоомир», «Школьный мир», «Мир полезных мелочей», «Мир пива», «Мир кожи и меха». Тенденция к однообразию, лексической скудости и повторяемости налицо.

2. Следует отметить появление наименований организаций, содержащих орфографические ошибки. Например, галерея женского белья «Биэнале». Обращаемся к словарю иностранных слов и выясняем, что бьеннале — международная выставка изобразительного искусства, кинофестиваль или музыкальный конкурс, проходящий раз в два года. Явный семантический сдвиг, название никак не отражает специфику деятельности торгового заведения, да еще содержит две орфографические ошибки!

3. Не радуют горожан непонятные названия, не отражающие связь компании с ее реальной деятельностью. Рекламно-производственная компания «Зеон-Медиа», специализирующаяся на производстве вывесок и наружной рекламы, сделала акцент на слове «зеон», обозначающем обряд добавления горячей воды к евхаристической чаше, характерный для византийской литургии, введенной при императоре Юстиниане!

Еще одна фирма, специализирующаяся в сфере изготовления штампов, печатей, визитных карточек, рекламных щитов и вывесок, получила при рождении звучное имя «Авалон». Аваллон — кельтская страна усопших, где царит вечный покой и блаженство, располагающаяся на мифическом острове, согласно хронике Гальфреда Монмутского.

Есть и совсем непереводимые: «Авилс», «Аркокс», «Паналит», «Аскон», «Севем», «Орсель», «Дейи», ничего не сообщающие потребителю и никак не связанные с деятельностью организации. Может, желание выделиться из общей массы порождает новые слова, призванные отразить индивидуальность компании?

4. Любят липчане свой город. Видимо, поэтому более 40 организаций получили в названии почетную прибавку «Л»: «Престиж-Л», «Полиграф-Л», «Комфорт-Л», «Новострой-Л», «Позитив-Л», «Дельта-Л», «Плюмаж-Л», «Танаис-Л», «Профикс-Л», «Евросервис-Л», «Домовой-Л», «Вист-Л», «Взлет-Л», «Композит-Л», «КонВент-Л», «Леди-Л», «Омега-Л», «Стройснаб-Л», «Тройка-Л», «Химопторг-Л», «Термопласт-Л», «Промкомплект-Л», «Веста-Л», «Ареал-Л».

5. В языковом пространстве города Липецка, как и в других российских городах, высок уровень активного использования графико-орфографических иноязычий, в частности, — обращение к латинице в вывесках. Слова на городских вывесках передаются при помощи графического начертания, как правило, на английском, французском или другом языке. Dolce Vita, Sela, Division, Ecco, Guisto, Shester, Reebok, Savage, Déstra, Ketroy, Madera, Salomon, De Bassus, Camelot, LeFutur, SweetMama, Baon, ZARAZARA, O'STIN, Fix price, Mona Liza, Monte Rosso, Francesco Donni, Coffee Go и т.д.

Отчасти наметившуюся тенденцию использования графико-орфографических иноязычий можно попытаться объяснить, в том числе, и стремлением создать и усилить эффекты необычности, экспрессивности.

Весьма активно используются для создания вывесок отдельные графемы латиницы, внедряемые в кириллические написания, т.е. совмещение знаков разных алфавитов, включение в надписи параграфемных элементов. Этот способ может быть признан самым продуктивным в создании вывесок, рекламы, товарных знаков и т.п., поскольку одна необычная графема легче воспринимается адресатами на фоне привычных знаков и позволяет выделить её.

Нередко можно встретить на вывесках использование иноязычной лексики, начертанной на кириллице: «Иль де боте», «Л'Этуаль». Стремление владельцев такого рода заведений быть понятыми — иллюзорно, потому что кириллическое начертание не проясняет ни семантики, ни этимологии употреблённых на вывеске слов.

Рассмотрение использования в городской среде сочетания кириллицы и латиницы даёт основания заметить их «мирное» сосуществование, когда применение ни одной из систем письма не

отрицает применение другой, а, напротив, алфавиты дополняют друг друга. Всё это создаёт выразительные, нетривиальные надписи и, в целом, неповторимый облик современного российского города.

Однако следует помнить о том, что характер городских вывесок вербально, графически, изобразительно отражает изменения в социальной жизни города — зрительно фиксирует глубинные процессы духовной жизни современников.

Каждый, пребывающий в пространстве города, погружён в эту знаковую среду. Городские вывески в совокупности — некая система знаков. Однако, как не трудно заметить, эта система изобилует иноязычными вербальными вкраплениями-вторжениями, которые имеют более глубокое и значимое смысловое наполнение, нежели создание внешнего эффекта и соответствие требованиям престижа. К тому же серьезно нарушаются Закон о рекламе и Закон о русском языке [1, с. 23].

6. Еще одна тенденция — многократное увеличение заведений, торгующих пивом, и, соответственно, вывесок с «пивными» названиями: «Мир пива», «Пивпункт», «Пивзавод», «Пинта», «Beerlin», «Живое пиво», «Пивразлив», «Пиво 24 часа», «На троих», «Пивная фабрика», «Темное & Светлое», «Дом пива», «Пивной рай», «Скорая пивная помощь». Вот где поистине проявляется креатив копирайтеров! Лексические изыски в сочетании с эмоциональной составляющей коммуникации с потребителем, неуёмное желание получить хороший коммерческий эффект, привлечь новых клиентов побуждают создавать широкий спектр наименований организаций в данном рыночном сегменте.

Надо отметить и этическую составляющую данного явления, так как широкое распространение пивных заведений с яркими и запоминающимися названиями на вывесках может привести к социальной и культурной деградации членов социума. Частотность использования определенной лексической единицы способствует хорошей запоминаемости через механизм повторения. Отметим, что подобная опасность многократно возрастает для представителей молодежной и детской аудитории. В силу возрастных и личностных особенностей данная часть общества наиболее уязвима, внушаема и пластична, что следует учитывать представителям бизнеса и власти, организующим и контролирующим данный сегмент рынка.

Выявленные тенденции — свидетельство отсутствия научно-обоснованных принципов номинативной политики в сфере городской коммуникации открытого пространства; демонстрация пренебрежительного отношения к величайшей святыне народа —

родному языку. Для всех без исключения членов социума происходит погружение в иноязычную среду, которое возможно не так безобидно, ведется языковая игра с использованием иноязычий или отдельных графем латиницы, внедренных в кириллические начертания, что представляет собой явный симптом нарушения антропологического единства языка, расщепления культурного сознания носителя русского языка. Исследование позволяет констатировать сниженность языковых вкусов, отсутствие творческих идей, копирование существующего опыта, наличие перегруженных информацией фасадов зданий, и все это — черты современной городской коммуникации.

В эпоху развития всех средств массовой информации вывески выполняют определенные функции. В числе основной следует отметить функцию ориентации. В настоящее время наблюдается многоплановость информационных потоков, разнообразие сообщений, поэтому обществу нужны ориентиры, способствующие осмыслению происходящего и однозначному пониманию вербального или визуального сообщения. Наименования организаций и учреждений в открытом коммуникативном пространстве города воспринимаются людьми в качестве достоверных ориентиров. Следовательно, вывески должны нести достоверную, а не дезориентирующую информацию. Важно понимать, что любая информационная деятельность, затрагивающая интересы и потребности общества, касается ли она политических, экономических, социальных явлений, направлена не только на информирование аудитории, но и на формирование или изменение ее позиций, социальных установок, этических представлений и культурных норм.

Наблюдение за функционированием вывесок как жанра городской коммуникации позволяет приблизиться к пониманию антологической картины современного языка как общественного явления и выявить особенности коммуникативного поведения горожан, пребывающих в ареале их распространения. Вывески — хранители времени, отражающие социальные процессы, культуру и язык, самобытность и вкус горожан, образованность граждан, достоинство и патриотизм жителей определенного места на конкретном историческом этапе. И как будут судить о культуре нашего города через 50 или 100 лет наши потомки, обращаясь к такому жанру городской коммуникации как вывески?

Литература

1. Качалова С.М., Буркова Е.А., Качалов С.О. Вопросы правового регулирования рекламы и пиара в России // Инновационная экономика и право, 2019. №1 (13). С.22-25.

Усачева О.Ю.,
доктор филологических наук, доцент
Россия, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал
Usacheva O.Ju.,
Doctor of Philology, Associate Professor
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

«НОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ» КАК ФЕНОМЕН ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОНЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ

"NEW WRITING" AS A PHENOMENON OF THE ERA OF DIGITALIZATION AGAINST THE BACKGROUND OF CYRIL AND METHODIUS TRADITION

Аннотация

В докладе рассматривается современная культурно-языковая ситуация, связанная с функционированием русского языка в коммуникационной среде интернет. Целью исследования является установление функционального статуса «цифровой письменности», которая наблюдается в зонах неформального межличностного интернет-общения. Автор приходит к выводу о том, что в современной культурно-языковой ситуации фиксируются две функциональные подсистемы русской письменной речи: кодифицированная и некодифицированная (гибридная) устно-письменная. Данная картина может быть охарактеризована как ситуация, характерная также для церковнославянско-русской диглоссии эпохи освоения на Руси кирилло-мефодиевской письменной традиции.

Abstract

The report examines the current cultural and linguistic situation related to the functioning of the Russian language in the Internet communication environment. The aim of the study is to establish the functional status of "digital writing", which is observed in the zones of informal interpersonal Internet communication. The author concludes that in the modern cultural-linguistic situation two functional subsystems of the Russian written language are present: codified and non-codified (hybrid) oral-written. Situation of this type was also typical for the Church Slavic/Russian diglossia of the era of Cyril and Methodius written tradition development in Ancient Rus.

Ключевые слова: культурно-языковая ситуация, интернет-коммуникация, письменно-разговорная речь, диглоссия.

Keywords: cultural and linguistic situation, Internet communication, written and spoken language, diglossia

Общепризнано, что в филологическом плане заслуга Кирилла и Мефодия состоит не только в том, что они осуществили объемную переводческую работу греческих богослужебных текстов, но особенно в том, что они явились устроителями алфавита и славянской письменности, а также родоначальниками первого общеславянского книжно-письменного языка (который сегодня принято называть старославянским), положившего начало как церковной, так и светской литературе славянских народов.

История книжно-письменного языка восточных славян (будущих русских, украинцев, белорусов) начинается как копирование образцов – кирилло-мефодиевских памятников и продолжается как история нормированного и кодифицированного (то есть литературного) языка, получившего название церковнославянского языка древнерусского извода. Церковнославянский язык, таким образом, сложился «в результате усвоения старославянских языковых традиций в древнерусских условиях» [4,с. 20-21]. История же русского литературного языка в целом как языка вначале исключительно книжно-письменного, а затем, уже в Новое время, и как языка устного представляет собой эволюцию грамматических, лексических, орфографических и иных литературных норм в меняющихся условиях функционирования языка.

Наступление эпохи цифровой коммуникации привело к многочисленным изменениям в языке, а также в способах его фиксации на письме. Эти изменения активно описываются и

осмысляются современной лингвистикой. Появилась даже специализированная научная отрасль под названием «лингвистика интернета». Ею накоплен значительный материал наблюдений над особенностями функционирования языка в новой коммуникационной среде, возникшей на основе мультимедийного канала общения. Несмотря на то что содержание интернет-коммуникации может кодироваться различными способами (вербально-письменным, вербально-аудиальным, невербальным и т.д.), а также их разнообразными сочетаниями (поликодовые тексты), среди всех кодирующих систем по-прежнему велик удельный вес письменной кодировки. Таким образом, можно говорить о новом этапе в истории письменности, когда графический способ кодирования опосредуется цифровыми и сетевыми технологиями.

Вместе с тем появление письменности такого рода знаменует собой не просто специфический технологический сдвиг, а изменение всей культурно-языковой ситуации в том ее аспекте, который связан с нормативным статусом тех или иных функциональных разновидностей языка. В нашем случае это вопрос о месте и статусе «цифровой письменности» в системе форм существования русского национального языка, что имеет прямой выход на целый ряд практических проблем и задач – от дидактических до политических и в конечном счете оказывает влияние на выработку языковой политики государства.

Но прежде необходима одна оговорка. Разумеется, далеко не вся письменность интернета подпадает под определение «новой», или «цифровой». Во многих секторах интернет-общения сохраняется традиционное кодифицированное письмо, ориентированное на уже существующие нормы русского литературного языка, сложившиеся еще в доцифровую эпоху. Это прежде всего официальные сайты (органов власти и управления, образовательных организаций, учреждений культуры, предприятий и т.д.), научные и образовательные ресурсы, интернет-тексты официальных СМИ, а также тех медиа, которые сознательно придерживаются литературной нормы, тексты деловой коммуникации, наконец, тексты, созданные грамотными и образованными людьми, которые даже в неофициальном межличностном дискурсе так же целенаправленно, как и в институциональном дискурсе, сохраняют ориентацию на кодифицированный литературный язык.

Совершенно иную картину являет собой дискурс неформального межличностного общения, фиксируемый в социальных сетях, блогах, мгновенных сообщениях, неофициальной переписке. К

нему примыкает часть социального дискурса – дискурса «желтой» интернет-прессы, корпус рекламных текстов, использующих «новую письменность» как аттрактивный прием, отдельные случаи политического дискурса. Именно в этих секторах интернет-коммуникации и проявляют себя черты «новой письменности».

Объектом нашего интереса является письменный интернет-дискурс, находящийся в указанных зонах интернет-коммуникации. Предмет исследования – специфика и статус этого дискурса на фоне традиционной (кирилло-мефодиевской в своей основе) системе письменности. Задача данной статьи – показать, какое место занимает новая, или «цифровая письменность» в системе современной письменной коммуникации, а также рассмотреть функциональный статус этой разновидности современного письма.

В рамках отдельной статьи, разумеется, трудно предъявить весь объем языкового материала, достаточный для того чтобы делать основательные и масштабные выводы. Постараемся наметить лишь главные направления анализа, необходимого для реализации всех поставленных задач[1].

1. Графические средства. Наиболее наглядные изменения коснулись внешней стороны письма – способов графической фиксации речи.

1.1. Латинизация и гибридизация письма (сочетание кириллицы и латиницы), причем не только вследствие использования заимствований *(Web, e-mail, on-line, IT-управление),* но и как особый прием создания каламбура: *кRUтая игра, крутo!, DOOMкать.*

1.2. Цифро-буквенная гибридизация: *нитo4ка* (ниточка), *прo100* (просто), *o5* и *a5* (опять).

1.3. Написание слова прописными буквами, сочетание прописных и строчных букв в целях выражения экспрессии: *ХОРОШО! ЧТО?? НеНормАлЬнЫе.*

1.4. Некодифицированное использование знаков препинания: *Добрый день!!!!! Ну……Ты придешь сегодня??????*

1.5. Использование некодифицированных элементов графики – так называемых смайликов (эмотиконов): *Буду скоро)))* [улыбка], *Ну ладно;)*[подмигивание], *Да ты что? %* [удивление].

[1] Далее приведены примеры из интернет-текстов, зафиксированные в статьях ряда исследователей «цифровой письменности», в том числе [5], а также автора настоящей статьи [2].

1.6. Отказ от латинской графики в пользу кириллической в передаче варваризмов: *уупс!* (англ. *oops!*), *вау!* (англ. *wow!*), *вэлкам, сэнкью, плиз.*

2. Совмещение на письме письменной и устной речи.

2.1. Имитация фонетики, вокализованных средств хезитации, присущих разговорной речи: *я ж говорил, низя* [нельзя] *так; ессно* [естественно]; *бум* [будем] *искать первоисточник*; *юморист***,** *паньмаш* [понимаешь]; *Хм...; Эээ батенька***...;** *Мда...; Гммм….; Дык….*

2.2. Передача интонационного рисунка речи: *Неет, сынку...*; *тааак; А-а-а.*

2.3. Передача фонетических особенностей (нарочито) экспрессивного произношения и интонирования: *рулеззззз!!! Щазз. Послушайте, любез-з-зный…; Повторяю для мущщин. ЛеХко! У дарагих рассиян?*

2.4. Имитация произношения, ударения, морфолого-фонетических особенностей, характерных для нелитературных форм языка (просторечия, территориальных диалектов, жаргонов), например: *Дялюся радостью!.. а ну пшел отсюда обратно в подпол; раз уж на настоящую фирмУ у мамы денег не хватает; насчет Швейцарии и доллАров; Увы им, никакого солидаризьма там нет.*

2.5. Имитация произносительных особенностей речи русскоязычных инофонов: *Слушай, дарагой, господа не трожь, да? Харрашо сказал!*

2.6. Имитация логопедических дефектов речи: *дадагой дгуг* [дорогой друг]; *гусский* [русский].

3. Отступление от кодифицированной литературной нормы.

3.1. Использование некодифицированных сокращений и аббревиатур: *прив!* [привет], *пжлст* [пожалуйста], *инфо* [информация], *клава* [клавиатура], *ЖЖ* [Живой Журнал], *ИМХО* (англ. IMHO – In My Humble Opinion – по моему скромному мнению), *ЛОЛ* и *LOL* (англ. Laughing Out Loud – громко смеяться).

3.2. Использование нелитературных средств языка: сленга, жаргона, просторечных слов, нецензурной лексики (и ее заменителей): *амеры, американы* [американцы], *либеры* [либералы]; *опять лажа, я ж говорил; фигасе, насчет рафинированности красного ортодокса имхо не в масть. Для газеток разве; Быть того не могёт, ПЦ, ППЦ.*

3.3. Так называемая антиорфография («язык падонкафф», «олбанский язык»): *превед, аффтар жжот, убей сибя ап стену*, *многа букафф, ужос, медвед, девушко, котег.*

3.4. Слитное написание (очевидно, влияние хэштегов): *Крымнаш, самизнаетекто, четамухохлов.*

4. Поликодовость письменного текста.

Сама по себе поликодовость – не новое явление в письменности (книжные миниатюры, иллюстрации, фотографии), так что в данном случае можно говорить о расширении возможностей и усложнении семиотики текста: использовании анимации, аудио- и видеофайлов, а также гипертекста.

Обзор письменных инноваций показывает, что для цифровой письменности характерны такие черты, как

- намеренное сближение с устной речью;
- активное внедрение нелитературных элементов (сниженность);
- тенденция к апробации заимствований;
- языковая игра.

Данные черты, возникшие под влиянием электронно-цифровой среды коммуникации, получают активное распространение и за ее пределами: в рекламных текстах, публицистике, деловой речи, эпиграфике и т.д. В одних случаях расширение сферы «цифровой письменности» обусловлено низким уровнем грамотности автора текста, в других – речевым автоматизмом и отсутствием практики редактирования готового текста, в третьих же – сознательным использованием элементов «нового письма» как специального стилистического приема, в том числе и из соображений речевой моды.

Отчасти явления «нового письма» подпадают под изучение так называемой «естественной письменной речи» (термин Н.Б. Лебедевой), под которой понимается «речевая деятельность (и ее результат – тексты), которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам «устная / письменная» и «естественная / «искусственная» (искусная) речь» [1, с.4]. И хотя формулировка данного термина вызывает определенные сомнения, следует признать, что сам объект лингвистического анализа идентичен нашему, по крайней мере, в сфере неформальной межличностной интернет-коммуникации.

Переходя к вопросу о лингвистическом статусе «цифровой письменности», следует прежде всего отметить, что, как ни парадоксально, между современным процессом ее появления и древним процессом становления книжно-письменного языка в памятниках церковнославянской письменности можно усмотреть некоторые общие черты.

Как известно, еще в XIX веке установилась достаточно авторитетная концепция восточнославянского книжно-литературного языка (наиболее последовательно представленная работами И.И. Срезневского и А.А. Шахматова), согласно которой этот язык

сложился как результат усвоения старославянского языка на древнерусской почве. Так, А.А. Шахматов писал: «По своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему – древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» [5, с. 60]. В развитие данной концепции и в результате анализа большого корпуса памятников балканского, западнославянского и восточнославянского происхождения уже во второй половине XX в. оформилась аргументированная точка зрения, что все сохранившиеся древнейшие тексты X – XI вв., не говоря уже о текстах XII – XIV вв., написаны церковнославянским языком, отражающим языковые особенности региона их создания [4, с.6]. Таким образом, под старославянским языком в рамках данной концепции понимается только язык первых (не сохранившихся) славянских переводов, выполненных непосредственно первоучителями в середине IX столетия.

Итак, уже первые переписчики кирилло-мефодиевских текстов и текстов близкого к ним ареала – балканского, несмотря на сознательное стремление следовать авторитетным орфографическим и грамматическим нормам образцов, непреднамеренно отступали от них в случаях несоответствия последних фонетике и грамматике их родного языка. В конечном счете это обстоятельство определило характер книжно-письменных норм местных школ книжности.

«Классическим» подтверждением этого вывода является орфография «Остромирова евангелия» – первого памятника древнерусской письменности середины XI в., составленного новгородским дьяконом Григорием. На фоне «идеальной» кирилло-мефодиевской орфографии этот писец, как известно, допускал смешение букв ОУ и «юс большой» по причине отсутствия носовых гласных в его диалекте, ошибался в передаче сочетаний типа tьrt / tьrt, поскольку фонетическая система его языка не знала редуцированных гласных, и т.д. Аналогичные по своей природе отступления от кирилло-мефодиевских протографов можно наблюдать практически во всех древнейших памятниках, часть которых по традиции причислялась к старославянским: «Киевский миссал» (X в., написан глаголическим алфавитом, отражает фонетику западнославянских языков при передаче сложных шипящих ШТ и ЖД свистящими Ц и З), «Мариинское евангелие» (XI в., также написан глаголицей, отражает реалии сербского языка), «Енинский апостол» (XI в., написан кириллицей, не отражает носовых гласных) и др.

Другими словами, уже на заре истории славянских книжно-письменных литературных языков прослеживается активное воздействие на исходную (кирилло-мефодиевскую) систему письма со стороны живых славянских диалектов. По мнению А.И. Соболевского, которое приводит в своей работе Г.А. Хабургаев, к концу XII в. на Руси «каждая область образовала в церковнославянских книгах свой язык, отличающийся от языка другой области в той степени, в какой говор первой отличался от говора второй» [цит. по: 4, с. 15].

Особое место в системе письменности донационального периода занимала юридическая, деловая и бытовая письменность, которая усложняет общую картину культурно-языковой ситуации на Руси в древнейший книжно-письменный период. Если церковнославянские памятники знаменовали собой «высокую» разновидность письменности, ориентированную на сакральное содержание и наиболее авторитетные культовые жанры, то юридические, деловые и бытовые тексты (частные письма, жалобы, расписки и проч.) образовывали сферу «низкой», мирской, профанной письменности. Соответственно каждая из сфер письменности ориентировалась на свой вариант нормы: первая – на «высокую» разновидность, поддерживаемую авторитетом святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и всей системой церковной книжности, и «низкую», которая ориентировалась на письменно-речевую культуру народа.

Это дало основание академику В.В. Виноградову разработать в 50-е годы прошлого века концепцию двух типов древнерусского литературного языка донациональной эпохи: «книжно-славянского» и «народно-литературного». Первый тип имел церковнославянскую основу и «обслуживал» систему «высоких» жанров; второй был народно-разговорным, диалектным, при этом активно осваивавшим элементы церковнославянского в повседневном общении, и предназначался для «обслуживания» таких жанров, как летописи, законы, частная переписка, деловые бумаги.

Как можно видеть, история русской (шире – славянской) письменности демонстрирует значимость двух путей ее создания и эволюции. С одной стороны, это путь использования в качестве нормативного и кодифицированного изначально «чужого» (хотя и не чуждого) языка, который постепенно осваивается как близкий и общепонятный и в итоге становится «своим»; с другой стороны, это путь кодификации «своего», народного, обиходного языка, который используется в определенной (демократичной) сфере письменности и при этом усваивает нормативность, привносимую сюда элементами

книжной системы норм. В национальную эпоху обе сферы наконец объединяются, что приводит к появлению литературного языка нового типа: полнофункционального в своей основе, включающего как письменную, так и устную разновидности.

Представляется, что в современной культурно-языковой ситуации можно наблюдать активное взаимодействие все тех же исторически сложившихся на русской почве двух языковых начал: нормированного и кодифицированного языка, предназначенного для институциональной сферы общения, и языка ненормированного и некодифицированного (хотя и письменного), отражающего установку коммуникантов на непринужденное, неофициальное, как правило, межличностное неинституциональное общение. Такая картина вполне соответствует концепции диглоссии, впервые сформулированной Ч. Фергюсоном, а затем использованной применительно к русскому и церковнославянскому языку Б.А. Успенским, который приводит следующее определение: «Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» [3, с.5]. Проводя сопоставление двух языковых систем, находящихся в отношениях диглоссии, ученый отмечает такие различия, как

- сфера использования: книжная система связана с письменной традицией и с областью специальной книжной культуры, некнижная – с обыденной жизнью и разговорностью;
- способ усвоения: книжная языковая система усваивается в процессе обучения путем овладения определенными эксплицированными правилами, предполагающими кодификацию, тогда как некнижная усваивается естественным путем в ходе повседневного общения;
- контексты употребления: разные контексты соотнесены с разными языковыми системами;
- отношение носителей языка к статусу каждой из двух систем: книжная система воспринимается как нормативная, правильная разновидность родного языка, тогда как некнижная понимается как отклонение от нормы и нарушение правильного языкового поведения.

Таким образом, члены языкового коллектива воспринимают разные языковые системы как один и тот же язык, подсистемы которого находятся в отношениях функциональной дополнительности.

Ситуация диглоссии, в отличие от ситуации двуязычия, характеризуется стабильностью, устойчивым функциональным балансом. В силу этого диглоссийная культурно-языковая ситуация обладает воспроизводимостью, что, как представляется, можно наблюдать и в наши дни на примере соотношения «традиционной» и «новой» письменности.

Подводя общий итог, можно заключить, что в настоящее время в области письменного русского языка наблюдается состояние, соответствующее определению диглоссии, когда в одних коммуникативных условиях используется кодифицированный литературный язык в его письменной форме, в других же осуществляется переключение на гибридный устно-письменный (письменно-разговорный) язык (или так называемую «естественную письменную речь»). Таким образом, в современной культурно-языковой ситуации фиксируются две функциональные подсистемы русской письменной речи.

Литература

1. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. №1. 2001. С.4-10.
2. Усачева О.Ю. Дискурсный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации. Дисс. … доктора филологических наук: 10.02.01 / Елецкий государственный университет. Елец, 2013. 531 с.
3. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
4. Хабургаев Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный язык // История русского литературного языка в древнейший период. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С.5-35.
5. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка: учебник для вузов / под ред. и с примеч. С. П. Обнорского. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
6. Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С.291-302.

Черных А.В.,
кандидат исторических наук, доцент
Россия, ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Chernykh A.V.,
PhD in History, Associate Professor
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ПУБЛИКАЦИИ А.Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА (1831-1872) «КАК ОТНОСЯТСЯ К КИРИЛЛУ И МЕФОДИЮ СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНЕ?»

KIRILL AND MEFODIY'S ACTIVITY AS EXPRESSION OF UNITY OF THE SLAVIC WORLD IN PUBLICATION OF THE A.F. GILFERDING (1831-1872) "AS MODERN SLAVS TREAT KIRILL AND MEFODIY?"

Аннотация

В публикации рассматривается проблема значимости исторических личностей славянских апостолов Кирилла и Мефодия, а также их деятельности для славянской цивилизации в целом в научном славяноведческом наследии А.Ф. Гильфердинга.

Abstract

The article deals with the problem of the importance of historical personalities of the Slavic apostles Cyril and Methodius, as well as their activities for the Slavic civilization as a whole A.F. Gilferding.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий, славянские апостолы, миссионерская деятельность, православное вероисповедание, славянский алфавит, славянский мир, южные, западные и восточные славяне, А.Ф. Гильфердинг.

Keywords: Cyril and Methodius, Slavic apostles, missionary activity, Orthodox religion, Slavic alphabet, Slavic world, southern, Western and Eastern Slavs, A.F. Gilferding.

Личности славянских апостолов Кирилла (827–869) и Мефодия (815–885), их многогранная, плодотворная и масштабная деятельность, связанная с созданием славянского алфавита (глаголического и

кириллического), направленная на развитие славянской цивилизации в целом, совершенно справедливо привлекали и привлекают повышенное внимание со стороны отечественных, а также зарубежных ученых-славяноведов, общественно-политических деятелей разных поколений. Славянские просветители нередко представлялись в качестве цивилизационного символа, по крайней мере, в религиозном и культурном отношении объединяя все славянские народы, разделенные по политическим, религиозным и культурным причинам.

В этой связи нельзя не отметить имя известного русского общественно-политического, а также научного деятеля славянофильского направления в области изучения отечественного и зарубежного славяноведения А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), который в своих научно-публицистических сочинениях обращался не только исследованию собственно деятельности Кирилла и Мефодия, их исторической значимости для всех славянских народов. Ученый обоснованно выделял масштабное цивилизационное влияние исторических личностей славянских апостолов на будущее развитие славянского мира. Речь идет в первую очередь о духовном и культурном единстве всех западных, южных и восточных славянских народов, реальными символами которых выступают именно славянские апостолы.

По этой причине необходимо выделить незначительную по объему, однако важную по содержанию историко-публицистическую работу А.Ф. Гильфердинга «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?», впервые опубликованную в славянофильской газете «День» в 1862 г., а затем перепечатанную в первом томе Собраний сочинений А.Ф. Гильфердинга в 1868 г.

Важно отметить, что публикация появилась в 1862 г. в период в России праздновалась знаменитая дата тысячелетия русской государственности. В ней исследователь уделял самое пристальное внимание целому ряду важнейших исторических фактов, которые, согласно его искреннему убеждению, на основании предложенной интерпретации просто необходимо было знать и понимать абсолютно всем западным славянам католического вероисповедания и существенной части южных славян-католиков.

«Кирилл и Мефодий имели ту замечательную судьбу, что и по истечение тысячи лет не принадлежат еще окончательно прошлому, что и нынче, в XIX веке, их имя нераздельно с вопросами, взглядами и страстями современного мира славянского, – принципиально подчеркивал А.Ф. Гильфердинг, – никто другой из исторических деятелей славянской древности в этом отношении не может

сравниться с ними». В довершении всего А.Ф. Гильфердинг уточнял, что именно славянские апостолы Кирилл и Мефодий в самом начале формирования славянского мира являлись единственными деятелями, охватившими все славянские народы и славянский мир [2, с.331-340].

Весьма примечательно, что эта научная концепция, определяющая Кирилла и Мефодия, их деятельность в качестве символа единства всех славянских народов полностью находит свое подтверждение и в XXI в., когда многочисленные славянские народы, разделенные исторически, политически, культурно и духовно, участвовали и участвуют в различных острых военных, политических, культурных и религиозных конфликтах между собой.

«И для южных, и для западных славян они (Кирилл и Мефодий. – *А.Ч.*) более, чем исторические деятели, основатели их просвещения, – утвердительно заключал А.Ф. Гильфердинг, – они также знамя славянского самосознания и единения, и потому что память их чтится в особенности у тех именно племен, которым ближе к сердцу идея их славянства, их славянского братства: таковы на юге болгары, на западе чехи, моравцы, словаки, хорваты, словенцы» [2, с.331-340].

Ученый-славяновед выделял следующие ключевые положения, представленные в комплексе его историко-публицистических работ по кирилло-мефодиевской проблематике («Когда изобретена славянская азбука?», «Имел ли Кирилл непосредственное влияние на русских славян?», «Кириллица ли изобретена Кириллом?»), которые характеризуют деятельность славянских апостолов исключительно только в рамках православного вероисповедания, а также проявляют их истинную принадлежность к православной церкви. Можно утвердительно говорить, что Кирилл и Мефодий в представлении А.Ф. Гильфердинга выступали в качестве источника славянского культурного кода, позволяющего осуществить общеславянскую культурную идентификацию абсолютную для всех славянских народов, отделяющую их от остальных народов, успешно формируя общеславянское самосознание.

А.Ф. Гильфердинг указывал на следующие интерпретируемые факты, подтверждающие его обозначенный ключевой тезис. Во-первых, славянские апостолы Кирилл и Мефодий были родом греки и являлись воспитанниками греческой церкви. Во-вторых, славянские апостолы были направлены для обращения в христианство западных славян восточной церковью и Византийской империей. В-третьих, Кирилл и Мефодий «действовали между западными славянами во имя начал, которые признавала и признает церковь восточная, и которых никогда не признавала церковь западная». В-четвертых, солунские

братья «и между западными славянами совершали богослужение по обряду восточной церкви». В-пятых, как заключал дореволюционный ученый-славист, «дело Кирилла и Мефодия было истреблено церковью латинской в землях, ей подвластных, тогда как оно у славян, принадлежащих православному вероисповеданию, осталось неприкосновенным и сделалось их народным достоянием» [2, с.331-340].

На фоне всего вышеизложенного можно прямо констатировать, что А.Ф. Гильфердинг в собственных размышлениях перекидывал своеобразный мост, надежно соединяющий историю и современное ему положение славянского мира. Представляя славянство в качестве единого союза родственных племен, разделенных исторически, политически, религиозно и культурно, исследователь добавлял еще и изначальное духовное общеславянское единство, наиболее ярким выражением, которого являлась многогранная деятельность Кирилла и Мефодия. При этом нельзя утверждать, что А.Ф. Гильфердинг прямо призывал славян-католиков возвращаться в православие на основании их первоначального крещения и продолжительного существования кирилло-мефодиевских православных традиций [2, с.331-340].

А.Ф. Гильфердинг прежде всего категорически выступал против искажения исторических фактов, непосредственно связанных с многогранной деятельностью славянских апостолов, например, попытке западнославянской клерикальной исторической партии, согласно его выражению, «усыновить Кирилла и Мефодия католицизму, чтобы загладить как-нибудь в их истории то, что может произвести невыгодное впечатление». Тем самым связать славянских апостолов именно с римско-католической церковью. Более того, правильное понимание и интерпретация деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия в представлении отечественного публициста выступает в качестве основания для «подрыва самых основ латинской церкви» [2, с.331-340].

Именно по этой основополагающей причине при всестороннем анализе цивилизационной значимости славянских апостолов Кирилла и Мефодия, как подчеркивал А.Ф. Гильфердинг, в сознании представителей западной католической клерикальной партии играют ключевую роль, так называемые «современные политико-религиозные страсти», где игнорируются и нередко неправильно интерпретируются многочисленные исторические факты их жизни и деятельности. Таким образом, Кирилл и Мефодий, в представлении А.Ф. Гильфердинга, их деятельность никогда не были непосредственно связаны именно с римско-католической христианской церковью, европейской культурой,

а также латинским алфавитом, позволяющим осуществить национальную славянскую идентификацию.

«Для клерикальной партии в западнославянских землях Кирилл и Мефодий имеют важность первостепенную, судя по тому усердию, какое люди этой партии выказывают к их памяти: пишут их историю, то с полным парадом учености, то в форме более популярной, – особенно отмечал русский публицист, – то, наконец, в виде статей в духовных журналах и книжек для простонародного чтения, сочиняют им молитвы, службы и литии, воспевают их в эпосе и лирических стихах, составляют им церковные братства, посвящают им церкви и пределы, распространяют десятками тысяч их образа и медальоны, заботятся об их мощах» [2, с.331-340].

В этом случае выделяются следующие общественные организации, выступающие, по мнению А.Ф. Гильфердинга, в качестве практического выражения многогранной работы клерикальных католических партий среди зарубежных преимущественно западных, а также и южных славянских народов: «Наследие св. Кирилла и Мефодия», основанное в 1850 г. в Моравии, получившее распространение, в том числе и среди венгерских словаков. Сюда же относится и «Братство св. Кирилла и Мефодия», утвержденное в 1852 г. в чешском Брно при католической семинарии, а также «Братство Кирилла и Мефодия для обращения несоединенных (с Римом) славян», образованное Римским папой Пием IX 12 мая 1852 г. [2, с.331-340].

В дополнении А.Ф. Гильфердинг осуществлял акцент на работы многочисленных теоретиков клерикальной католической партии, представленной в польской и чешской славяноведческой исторической науке. Речь идет, прежде всего, сочинениях, подготовленных зарубежными исследователями-публицистами Штульцем и Гинцелем, посвященных деятельности славянских апостолов. Анализируя ключевые положения, представленные в монографиях заграничных исследователей, связанные с тем, что мощи св. Кирилла находятся в Риме, именно Римский папа рукоположил св. Мефодия в епископы, славянские апостолы были связаны с Римской католической церковью.

А.Ф. Гильфердинг не соглашался с представителями западноевропейских клерикальных партий, противопоставляя их выводам собственную аргументационную базу, непосредственно связанную с тем, что славянские апостолы Кирилл и Мефодий, оказавшие безусловное влияние на абсолютно все славянские народы, были связаны именно с восточнохристианской православной традицией.

Важно особенно отметить, что А.Ф. Гильфердинг осуществлял акцент на изначально существовавшие кирилло-мефодиевские православные традиции в Польше и Чехии, успешно заложенные славянскими апостолами, которые впоследствии были выдавлены и уничтожены мощным и продолжительным влиянием со стороны римско-католической церкви, а также в целом западной европейской цивилизации. Именно по этой причине кирилло-мефодиевские православные традиции, выступавшие в качестве изначально сформированных основ славянской цивилизации, в дальнейшем сохраняясь, выполняют роль ключевого основания, необходимого для славянского объединения.

В действительности, речь идет о Сазавском монастыре в Чехии, просуществовавшим до 1097 г., где использовалось богослужение на чешском языке с применением кириллического алфавита. В представлении А.Ф. Гильфердинга, а также ряда исследователей предшествующей и последующей историографии вопроса именно Сазавский монастырь являлся прямым выражением сохранившихся кирилло-мефодиевских православных традиций в Чехии, а также в других западнославянских странах, заложенных благодаря славянским апостолам, действовавшим в лоне Восточной православной церкви.

В этом отношении, обращаясь к рассмотрению цивилизационной значимости кирилло-мефодиевских православных традиций, в средневековый период времени получивших распространение среди западных славянских народов, А.Ф. Гильфердинг в ряде подготовленных им историко-публицистических сочинений, таких как «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871), в определенной степени представлял Яна Гуса и его учение в качестве прямого выражения определенной диалектической связи с деятельностью славянских апостолов, повлиявших на первоначальное распространение восточного православного христианства среди чехов [3, с.9-19].

Именно по этой основополагающей причине А.Ф. Гильфердинг участвовал в создании православного храма св. Николя в Праге в 1874 г., согласно его мнению, являвшегося символом православия в чешском обществе, также его возможного возрождения, просуществовавшим в течение полувека в чешской столице. Вокруг храма св. Николя в Праге была сформирована небольшая чешская православная община, что являлось в представлении А.Ф. Гильфердинга выражением постепенного возвращения чехов к изначально существовавшим кирилло-мефодиевским православным традициям.

Важно особенно отметить, что мнение относительно связи гусизма с кирилло-мефодиевскими православными традициями в Чехии, заложенными благодаря деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, прямым выражением которого являлся, в том числе и Сазавский монастырь, не получила должной разработки и распространения в современной отечественной и зарубежной славяноведческой историографии вопроса. В большей степени эта научная концепция рассматривается в качестве части историографического раздела при исследовании исторического феномена гусизма в целом.

Необходимо дополнительно отметить еще и то обстоятельство, что А.Ф. Гильфердинг в своей публикации «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?» осуществлял акцент на распространении кирилло-мефодиевских православных традиций в Польше, связывая это во многом с влиянием Великой Моравии. Как неоднократно отмечал ученый, в целом все это обусловило первоначальное крещение Польши по образцу восточной христианской православной церкви, что подтверждалось двумя фактами. Во-первых, ведением богослужения на церковно-славянском языке в течение продолжительного периода времени. Во-вторых, сохранением средневековых кириллических польских текстов, повсеместно используемых при осуществлении христианского богослужения в Польше [2, с.331-340].

В этой связи важно особенно уточнить, что эта идея, разрабатываемая А.Ф. Гильфердингом, относительно сохранения восточнохристианского богослужения в Польше, осуществлявшегося в течение продолжительного периода времени, получает распространение, а также дальнейшее развитие в современной отечественной и зарубежной историографии вопроса. В том числе это относится и к представителям современной польской автокефальной церкви. Необходимо сказать, что в определенные районы Польши в средневековый период времени, в конце IX в., прибыли ученики Кирилла и Мефодия для осуществления богослужебной деятельности.

В отечественной и зарубежной исторической науке постепенно осуществляется накопление различного исторического материала, подтверждающего этот факт. Речь в данном случае идет о средневековых письменных памятниках, а также археологических источниках. Более того, можно утвердительно говорить, что принятие христианства восточного образца должно быть неразрывно связано с существованием польской государственности, а также польской

цивилизации в целом, которая традиционно определялось наличием прямой связи именно с католическим вероисповеданием.

Отсюда нельзя не согласиться с мнением, выраженным известным польским историком современного периода А.В. Мироновичем, что Православная церковь в Польше имеет многовековую историю, начиная от формирования польской государственности, задолго до католической христианизации Польши. Более того, наследницей кирилло-мефодиевских православных традиций, изначально успешно заложенных в Польше, как уточнял ученый, выступала современная Польская Православная церковь [4, с.59-69].

Христианская миссия учеников Кирилла и Мефодия, которая затрагивала часть территорий Польши, отображена и в средневековой письменной исторической традиции. Речь идет о пространном «Житии св. Мефодия», где сообщается об одном из учеников св. Мефодия, который носил имя Горазд. Благодаря миссии учеников св. Мефодия, в том числе и Горазда, христианское славяноязычное богослужение получило распространение на территории современной юго-восточной Польши, где проживало польское племя вислян [5, с.79-93].

Об этом языческом польском племени сообщалось в «Житие св. Мефодия», когда на призывы св. Мефодия креститься на своей земле вислянский языческий князь отказывался принимать христианство. В дальнейшем в Польше формируется христианская митрополия с центром в городе Краков, являвшийся столицей Малой Польши. Продолжительное существование краковской христианской митрополии подтверждается и археологическим материалом. В частности, сохранения фундамента ротонд восточнохристианской традиции с кириллическими надписями, используемых в их основании [5, с.79-93].

Более того, в польской и русской исторической литературе отмечается возможность существования еще одной восточнохристианской митрополии, расположенной в одной из польских областей. Выделяются варианты ее расположения в таких городах как Вислица, Сандомир, Перемышль, Смогожув, Вроцлав. Все это может дополнительно свидетельствовать об историческом факте более масштабного распространения кирилло-мефодиевских православных традиций в границах средневековой Польши [5, с.79-93].

Важно особенно отметить тот факт, что греко-славянская богослужебная церковная традиция, получившая повсеместное распространение в Польше, была окончательно уничтожена во второй

половине XI в. Речь идет о событиях 1079 г., когда польский король Болеслав II Щедрый издал приказ о казни епископа города Кракова Станислава из Щепанова. Согласно сведениям, представленным в польской средневековой письменной традиции, прежде всего в сочинении известного польского хрониста Галла Анонима. Как отмечалось у Галла Анонима, краковский епископ был казнен за измену. В отечественной и зарубежной историографии указывается, духовный владыка Кракова Станислав из Щепанова являлся последним представителем славянского богослужения в католической Польше [5, с.84-85].

В дальнейший период времени приходы с православным богослужением были окончательно ликвидированы в Польше, где утвердилась католическая церковь. Речь идет о правлении преемника польского короля Болеслава II Щедрого (1076-1079) Владислава I Германа (1079–1102), который окончательно ввел в Польше латинское вероисповедание, отказавшись от славянского богослужения. Весьма примечательно, что эти исторические процессы были примерно сходны по своей хронологии как в Польше, так и в Чехии.

Отдельное внимание в своей публикации «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?» А.Ф. Гильфердинг уделил историческому феномену распространения кирилло-мефодиевских православных традиций среди сербов-лужичан, славянского племенного союза, прямо связанного с племенным объединением полабо-прибалтийских славянских племен, в средневековый период времени подвергнутых успешной германизации и ассимиляции. Весьма примечательно, что здесь сказались представления исследователя относительно исторического феномена неприятия христианства западного образца со стороны славянских племенных объединений, обитавших в междуречье Одера и Эльбы, которые, в конечном итоге, были насильственно христианизированы, а также ассимилированы, в конечном итоге потеряв собственную национальную славянскую идентичность.

А.Ф. Гильфердинг осуществлял акцент на том, что восточные миссионеры выступали в качестве носителей вселенского христианства, которое противопоставлялось пагубным принципам, повсеместно применяемыми католическими миссионерами. Речь в данном случае идет о христианской проповеди на латинском языке, используемой среди славянских народов, что приводило к распространению европейской культуры, латинского алфавита, безусловно способствуя их ассимиляции, что не предполагало

христианская миссионерская деятельность восточного образца [2, с.331-340].

В свою очередь, невозможность принятия христианства восточного образца с использованием кириллического алфавита полабо-прибалтийскими славянскими племенными объединениями, которые не обладали собственной развитой письменной традицией, в конечном итоге привело к их успешной ассимиляции и уничтожению.

Материал публикации вполне возможно проявляется крайне негативное отношение А.Ф. Гильфердинга к возможному объединению многочисленных зарубежных южных и западных славянских народов на основании римско-католического вероисповедания, а также культуры и латинского алфавита, основанных на продолжительном европейском влиянии, и даже под эгидой Австрии, где славянские апостолы Кирилл и Мефодий выступали в качестве знамени, объединяющего славянский мир. Речь в данном случае идет о таком общественно-политическом понятии как «австрославизм», который для А.Ф. Гильфердинга был однозначно неприемлем. Сюда же относятся и другие варианты объединения зарубежных славянских народов, где теперь католическая Польша выступала ключевым объединительным центром для других зарубежных славянских народов. Все эти панславистские проекты, непосредственно связанные с римско-католической церковью, а также латинским алфавитом, категорически отвергались А.Ф. Гильфердингом.

Для А.Ф. Гильфердинга было принципиально, чтобы в личностях Кирилла и Мефодия западные и часть южных славян-католиков ощущали свое истинное духовное единство с восточными и частью южных славян, принадлежащих к православному вероисповеданию. При этом публицист не делал акцент на том, что именно славянские апостолы Кирилл и Мефодий, почитающиеся среди всех восточных, западных и южных славянских народов, в обозначенный период времени выступали в качестве символа именно единой христианской церкви, которая не была в тот исторический период разделенной на две антагонистические части [2, с.331-340].

Важно особенно отметить, что А.Ф. Гильфердинг приводил следующие научные аргументы, отвергающие положения теоретиков клерикальной западнославянской партии, опираясь именно на материалы средневековой письменной исторической традиции. Речь идет о таком письменном памятнике как «Паннонские жития» Кирилла и Мефодия, как принципиально указывал исследователь, созданном в западной христианской традиции, который подтверждает прямую

связь славянских апостолов с восточной христианской церковью и Константинопольским патриархом.

Согласно сведениям, представленным в этом источнике, Кирилл и Мефодий отвергали возможность богослужения на трех языках (еврейском, греческом и латинском), а также «ересь иопаторскую», которая «обозначает догмат об исхождении св. Духа от Отца и Сына, и – что это именно было главной причиной гонений, которые они (Кирилл и Мефодий. – *А.Ч.*) терпели на Западе» [2, с.331-340]. В этом случае у А.Ф. Гильфердинга возникает точная уверенность, что апостолы не только допускали, но и выражали необходимость использования славянского языка в христианском богослужении. Кроме того, материалы такого исторического памятника как «Исповедание веры» св. Кирилла и Мефодия, по мнению А.Ф. Гильфердинга, также свидетельствовали, что славянские апостолы никак не связанны с римско-католической церковью [2, с.331-340].

Необходимо подчеркнуть, что в обозначенный период времени, связанный с деятельностью славянских апостолов Кирилла и Мефодия, христианская церковь, при проявляющемся разобщении по целому ряду важнейших вопросов, не была окончательно разделена, хотя процесс разделения единой церкви во многом был запущен. Кирилл и Мефодий в своей деятельности были отчасти связаны и с Римским папой. Более того, в обозначенный период времени в Римской церкви, по крайней мере, с подачи Римского папы Адриана (700–795), занимавшего этот пост с 772 г. по 795 г., не воспрепятствовалось миссионерское распространение христианского богослужения на славянских языках в различных областях Европы.

В действительности, важно особенно отметить, что восточная православная церковь в определенный период времени выступала против использования местных национальных языков в миссионерской деятельности среди разных народов, в том числе и славян. Однако разрешение римско-католической церкви вести богослужение на славянских языках Кириллу и Мефодию было исключительно временным конъюнктурным политическим явлением. Все это было обусловлено острым противостоянием между римско-католической и восточной православной церковью. В дальнейшем католическая церковь категорически отвергла это предложение, касающееся ведения христианского богослужения на местных языках. Все это выражалось в массовых гонениях на учеников Кирилла и Мефодия.

В конечном итоге речь идет о том, что Кирилл и Мефодий объединяют абсолютное большинство славянских народов с позиции кирилло-мефодиевских православных традиций. Тем самым в представлении А.Ф. Гильфердинга славянские апостолы Кирилл и Мефодий, хотя и действуя в рамках пока еще единой в догматическом отношении христианской церкви, однозначно связаны именно с восточной православной церковью, Константинопольским патриархом, но, однозначно, никак не западной католической церковью и Римским папой.

На фоне самого пристального внимания к личностям славянских апостолов Кирилла и Мефодия, их многогранной деятельности, которая в течение продолжительного исторического периода проявлялось в западнославянском обществе, А.Ф. Гильфердинг фиксировал практически полное отсутствие внимания к этой теме в научном и публицистическом отношении среди русской образованной общественности. На этом фоне А.Ф. Гильфердинг выделял научные сочинения, посвященные кирилло-мефодиевской исторической проблематике, митрополита Макария, в миру М.П. Булгаков (1816–1882), епископа Рижского и Митавского Филарета, в миру М.П. Филаретов (1824–1882), а также русский историк и богослов, ректор Московской духовной академии А.В. Горский (1812–1875).

Последний, являясь специалистом самого широкого профиля в области церковной истории, археографии и богословия, осуществил значительный по своей важности научный источниковедческий анализ материалов «Паннонских житий», являющихся важнейшим источником, касающимся жизни и деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, которые оказали влияние на научных концепции работ А.Ф. Гильфердинга, посвященных кирилло-мефодиевской тематике. Более того, А.В. Горский осуществлял акцент на цивилизационной значимости деятельности Кирилла и Мефодия, связанной с созданием славянского алфавита, для всего славянского мира.

Весьма примечательно, что все ученые, занимавшиеся исторической проблематикой, непосредственно связанной с деятельностью и цивилизационной ролью славянских апостолов Кирилла и Мефодия, имели непосредственное отношение к Русской Православной церкви, но не к академическому славяноведению. Сложившееся положение, как принципиально подчеркивал отечественный публицист, было обусловлено следующими ключевыми обстоятельствами, непосредственно связанными со спецификой

понимания в сознании русского общества исторического существования русской цивилизации.

В древнерусский исторический период внимание к славянским апостолам сохранялась в течение продолжительного времени. Именно по этой причине, как подчеркивал А.Ф. Гильфердинг, в литературе этого времени сохранилось значительное количество памятников кирилло-мефодиевской проблематики. В этом отношении общая ситуация кардинально изменилась в более позднее время, в московский и петербургский периоды существования отечественной истории. «Внимание к ним охладело на Руси в московский период, по мере того, как с одной стороны возрастающее сознание ее особенности, народной и государственной, все более и более заслоняло собой память об общем славянском источнике, – утверждал А.Ф. Гильфердинг, – а с другой, в церкви русской элемент греческий, византийский брал перевес над древним славянским, болгарским элементом» [2, с.331-340].

В петербургский период развития отечественной истории общее положение по отношению к кирилло-мефодиевской проблематике сохранилось в полной мере. Как уточнял А.Ф. Гильфердинг, отсутствие внимания к личностям славянских апостолов в русском обществе было обусловлено развитием русской народности, которой нет необходимости искать поддержки в своем развитии в идеи славянской взаимности и славянского братства.

По этой причине, согласно заключению публициста, «там, где народность крепка сама по себе, где для нее достаточно ее собственного самосознания и нет такой настоятельной потребности, искать ей опоры в общей идеи славянства, участие в памяти Кирилла и Мефодия» [2, с.331-340].

Вместе с тем, в историко-публицистических сочинениях, посвященных деятельности солунских братьев, особенно в публикации «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?», прослеживается утверждение А.Ф. Гильфердинга о миссионерской роли России в процессе развития национального общеславянского самосознания. Этого положения исследователь настоятельно придерживался, несмотря даже на неоспоримый факт того, что, согласно его принципиальному уточнению, славянская идея на тот момент времени вообще не была популярна в русском общественном сознании. Отходя из общего фона собственных рассуждений, А.Ф. Гильфердинг делал акцент на конкретных примерах в русской действительности.

Согласно справедливому замечанию А.Ф. Гильфердинга, надежным индикатором, совершенно точно фиксирующим отсутствие общеславянского сознания в русском обществе, являлся незначительный научный и даже публицистический интерес к кирилло-мефодиевской проблематике в целом, наблюдаемый в отечественной церковной и историко-филологической научной литературе, а также различных периодических изданиях. «Нужды прямой, осязательной нужды нам нет искать опоры в идее славянства, в славянском общении; мы сильны сами по себе, мы нужны другим славянам, а нам они разве видимо, нужны, – акцентировал внимание А.Ф. Гильфердинг, – внешнего повода к пробуждению в России идеи славянства не было и нет, а внутренним путем органического развития она может явиться только как плод и венец самосознания собственной народности, в чем мы, кажется, еще не далеко ушли!» [2, с.331-340].

«Но этому нечего удивляться, – вполне справедливо продолжал исследователь, – я, по крайней мере, ни мало не прихожу в отчаяние на счет будущности славянской идеи в нашем отечестве. Теперь ей еще нет места в нашем общественном сознании, но, по моему мнению, она будет плодотворней там, где может вырасти только из внутренних, органических начал народной жизни, нежели в тех странах, где вызвана внешней потребностью самосохранения: в странах этих и идея славянская по существу своему остается только внешней» [2, с.331-340].

Речь идет о славянофильской идеи «народности», определяющей специфику развития славянской цивилизации в целом, которое сохранилось только в России. У большинства остальных западных, южных и частично восточных славянских народов «народность» была уничтожена под воздействием западной цивилизации (можно утвердительно говорить о ликвидации крестьянской поземельной общины).

Исходя из сложившегося положения, А.Ф. Гильфердинг выделял роль и значение украинского народа и украинского общества в деле формирования общеславянского сознания и славянской идеи в русском обществе благодаря обращению к личностям славянских апостолов Кирилла и Мефодия. Исследователь приводил целый ряд оригинальных аргументов, подтверждающих собственную точку зрения, связанную с тем, что «малорусы могут первые выработать в своей среде и внести в общественное сознание русской земли идею славянства» [2, с.331-340]. Весьма примечательно, что А.Ф. Гильфердинг рассматривал украинский народ в качестве

неразрывной части русского народа, а также русской цивилизации в целом.

Во-первых, А.Ф. Гильфердинг приводил географический, этнографический и языковой фактор расположения украинского народа по отношению к другим западным и южным славянам, определяющий его чрезвычайную значимость для всего славянского мира. Как заключал публицист, «Киев ближе к другим славянам, чем Москва, и точно также племя малороссийское ближе к ним во всех отношениях, чем племя великорусское: оно ближе к ним своим языком, который, не имея такого резко-определенного типа, как наш великорусский язык, стоит как бы на середине между им и наречиями западных славян, и в западных краях малорусского племени сливается с речью венгерских словаков; оно ближе к другим славянам в отношении историческом и общественном» [2, с.331-340].

Во-вторых, А.Ф. Гильфердинг указывал на политический фактор, в гораздо большей степени объединяющий украинский народ и многочисленные западные и южные славянские народы, в сравнении с русским народом, но, в действительности, позволяющий осуществить дополнительное межславянское сближение в целом. «Часть малорусского племени, в Галиции и северной Венгрии, несет на себе то же иго иноземного язычества, под которым бьются славяне западные и южные, – утвердительно говорил А.Ф. Гильфердинг, – что мы, в положении других славян, понимаем только отвлеченно, то эта часть русского народа чувствует и знает по опыту» [2, с.331-340].

В действительности, можно утвердительно дополнительно говорить, что украинский народ и абсолютно большую часть зарубежных славян объединяло не только отсутствие политической и национальной независимости, но и начавшийся процесс национального возрождения, который способствовал росту национального самосознания славянских народов. А.Ф. Гильфердинг осуществлял акцент на том, что славянские народы, развивая национальное самосознание, дополнительно получали бы общеславянские представления, символами которого выступали бы славянские апостолы Кирилл и Мефодий.

В-третьих, украинское общество, испытав продолжительное влияние со стороны поляков, а вместе с ними западной европейской культуры и быта, римско-католической церкви, но сохранив определенные аспекты развития исконной славянской цивилизации, выступают в этом аспекте в качестве своеобразного моста, соединяющего западный, южный и восточнославянский миры, разделенные в первую очередь в общественном отношении. Речь в

данном случае идет о сохранении общественно-экономического института русской крестьянской поземельной общины, который, по мнению А.Ф. Гильфердинга, в действительности, являлся одной из ключевых основ существования и развития славянской народности.

«Наконец и то, в чем малорусское племя отдалилось от коренных начал славянских, уступив западным общественным началам (бóльшее развитие в народе начала личности, отсутствие поземельной общины, бóльшая особность городской жизни), – утвердительно говорил А.Ф. Гильфердинг, – служит как бы переходом от своеобразного славянского быта племени великорусского к западноевропейскому быту славян западных» [2, с.331-340].

Соответственно, именно украинскому народу, выступающему в качестве связующего звена между восточным, а также западным и южным славянскими мирами, как заключал А.Ф. Гильфердинг, намного проще всех остальных славянских племен восстановить коренные начала славянские стихии, в первую очередь выражающиеся в православном вероисповедании, а также существовании крестьянской поземельной общины [6, с.293-299].

В этом случае А.Ф. Гильфердинг предложил собственную интерпретацию продолжительного исторического нахождения украинского народа в составе польского государства, испытывающего в течение продолжительного исторического периода национальный, религиозный и экономический гнет. «А ко всему этому прибавим, что вековая борьба с поляками, – для нас имеющая преимущественно значение государственного вопроса и представляющаяся нам, более или менее, как нечто безличное и отвлеченное, – сообщал исследователь, – а у малорусов затрагивающая все струны народной жизни, как домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба непременно должна вызвать в них, как примирительницу, идею славянскую» [2, с.331-340].

Важно особенно выделить еще и то ключевое обстоятельство, что А.Ф. Гильфердинг проводил прямые аналогии по отношению к цивилизационному положению малорусского народа в целом. Как подчеркивал исследователь-публицист, украинцы испытывали в течение продолжительного периода времени также как и абсолютное большинство зарубежных западных и южных славянских народов национальное подавление. Потеряв политическую самостоятельность зарубежные славяне, а вместе с ними и украинцы, испытывали многовековой религиозный и культурный гнет со стороны других народов, как правило, неславянских (немцы, венгры, турки).

Применительно к приводимым параллелям с малорусским народом А.Ф. Гильфердинг выделял роль и влияние со стороны польской шляхты и католического духовенства, по его мнению, являвшихся прямым выражением масштабного воздействия со стороны западноевропейской цивилизации. В течение продолжительного периода времени украинцы подвергались государственному, национальному и религиозному польскому воздействию, следствием чего являлась религиозная уния и ополячивание украинского дворянства.

Таким образом, А.Ф. Гильфердинг предельно ясно обозначал принципиальное расхождение в понимании идеи славянской общности и взаимности, существовавшее на тот момент в России и остальном заграничном славянском мире. В этой связи ученый особенно акцентировал собственное внимание на первостепенной необходимости внутреннего самобытного развития отдельных западно- и южнославянских народностей. Все это, по заключению исследователя, должно было выступить в качестве важнейшей и самой надежной гарантии для формирования именно национального славянского самосознания славянских народов. [1, с.148-150].

Важно подчеркнуть, что последующие события отечественной и мировой истории полностью опровергли долгосрочные прогнозы А.Ф. Гильфердинга относительно сближения между различными славянскими народами. При этом современное состояние дел в Европе доподлинно подтверждает не только невозможность достижения общеславянского объединения, но и отсутствие дальнейших благоприятных перспектив для начала процесса популяризации славянской идеи в сознании русского, а также западно- и южнославянских обществ.

Предположение А.Ф. Гильфердинга о том, что исторические личности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, деятельность которых объединяла все славянские народы, в действительности, не смогли даже их сблизить. Более того, все славянские народы остаются даже в гораздо большей степени разделенными по целому комплексу основополагающих причин.

Литература

1. Черных А.В. Научная славяноведческая (история, источниковедение, лингвистика, этнография, фольклор) деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. 488 с.

2. Гильфердинг А.Ф. Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне? // Его же. Собрание сочинений. Т. I. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 494 с.
3. Гильфердинг А.Ф. Гус. Его отношение к православной церкви. – СПб.: Типография Майкова, 1871. 79 с.
4. Миронович А.В. Православная церковь в Польше // Православный ученый в современном мире. Синтез науки и православия: сохранение духовно-нравственных ценностей в современных условиях: сборник материалов V международной научно-практической конференции. 25-31 мая 2016 г. Ганновер-Германия, Супрасль-Польша, Жировицы-Беларусь. – Воронеж: Истоки, 2016. 180 с.
5. Федюкина Е.В. Православная традиция в Польше: история и современность // Вестник славянских культур. – М., 2016. № 2 (40). С. 79-93.
6. Черных А.В. Модернизация в России в представлении славянофильских мыслителей в контексте проблем дальнейшего существования русской крестьянской поземельной общины // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции: материалы XIII международной научно-практической конференции (17 апреля 2019 г. г. Липецк). – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019. 402 с.

Научное издание

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
Сборник научных статей
Липецк, 17 мая 2019 г.